

НОВГОРОД ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

<...> Мне довелось застать Новгород еще в последнее десятилетие перед революцией, глубоко изменившей всю жизнь. А Великая Отечественная война и послевоенное восстановление коренным образом изменили и внешний облик города.

Вряд ли надо говорить о том, что такое Новгород в нашей истории. Давно переживший свою былую бурную славу, в представлениях культурных русских людей XIX в. он был овеян ее романтически окрашенными отголосками. Декабристов и Белинского, Пушкина и Лермонтова, поэтов, композиторов и художников волновали мысли о его «бывших вольностях» и «народо-правстве», не очень отчетливые и правильные, как это видно нам, но возвышенные и благородные. Им приходилось не раз видеть этот древний город, расположенный на дороге из Петербурга в Москву, и неторопливо размышлять о его исторических судьбах во время долгого пути между новой и старой столицами <...>

В начале XX в. Новгород был одним из небольших губернских городов, с огромной, однако, периферией губернии, простиравшейся без малого от Петербурга до Вологды. Любань с одной стороны и Череповец, Устюжна, Кириллов, Белозерск — с другой входили в его губернию и епархию.

Губернский город был из числа тех, какие в литературе приобрели устойчивую славу и название сонных, патриархальных русских городов.

Город не блистал хорошими новыми постройками. Строительство в нем также остановилось на XVIII—начале XIX в. Путевой дворец, широко раскинувшийся гостиный двор, длинное, протянувшееся поперек всего Кремля здание Присутственных мест, архиерейские покои с консисторией, петербургская и московская заставы с кордегардиями и немногие каменные частные дома оставались памятниками этого строительства. Некоторые из пере-

* Публикуемые «Воспоминания» — это несколько отрывков из книги Н. Г. Порфиридова, написанной им в 1967 г. (рукопись хранится у М. Г. Порфиридовой). Небольшие ее, по-видимому первоначальные, фрагменты были напечатаны в газете «Новгородская правда» за 1965 г. (см. список печатных работ Н. Г. Порфиридова). Для настоящего издания отобраны главы, посвященные организации музеев в Новгороде, деятельности научных обществ и секции Института истории АН СССР, сотрудникам музеев, ученым и художникам, работавшим в Новгороде, замечательным людям — жителям Новгорода. Избранные фрагменты размещены в той же последовательности, что и в рукописи. В текст внесена незначительная стилистическая правка. Сокращения отмечены многоточием.

численных построек, а также украшавших город «малых мостов» и решеток, хотя и не отличавшиеся столичным размахом, были в своем роде хороши и типичны для провинциального градостроительного ансамбля. В последние перед революцией годы старый вид города стал нарушаться новыми разностильными зданиями, зачастую типа убогого провинциального модерна, воздвигаемыми процветавшими купцами Стальновым, Чабуриными, Ширяевыми.

В городе имелись два памятника: один в Кремле — всероссийски известный памятник Тысячелетие России, построенный в 1862 г. по проекту акад. М. О. Микешина, и другой — на площади перед зданием дворянского собрания, именовавшийся «Памятником народному ополчению 1812 г.», построенный по проекту А. Брюллова в виде обелиска. По ироническому замечанию Герцена, видевшего этот памятник еще в то время, когда он находился в Кремле, на месте, занятом позднее памятником Тысячелетия, «повгородское дворянство воздвигнуло его самому себе в награду за патриотизм в 1812 г.»

Особой гордостью обывателей города был мост через Волхов, построенный в начале XX в. на месте старого, соединявшего Кремль с торговой площадью, просуществовавший до Великой Отечественной войны. Этот новый мост в техническом состоянии был, может быть, и не плох, но очень обезобразил Новгород. Его высокие железные фермы, имевшие вид «американских гор», никак не вязались с обликом древнего города, нарушили прекрасный силуэт Кремля. Однако большинство горожан были им очень довольны, считали особой достопримечательностью своего города и наивно им гордились. Кроме всего прочего, мост обладал еще одним замечательным свойством. Его досчатый настил, высоко вознесенный над широкой водной гладью, как дека музыкального инструмента, гулко резонировал стук конских копыт. В тихие весенние и летние вечера, когда стихали иные городские шумы, стук копыт о настил моста слышен был по всему городу. Его, наверно, на всю жизнь запомнили особенно те, кто в эти весенние вечера и белые ночи томился у раскрытых окон или в садах, готовясь к экзаменам.

Кроме двух памятников и моста, в городе было все, чему полагалось быть в такого рода губернских центрах: Петербургская и Московская улицы, Летний сад, кафедральный собор.

Московская улица — свой местный Невский проспект. На ней, на отрезке до пересекавшего ее Федоровского ручья, сплошь маленькие магазинчики, парикмахерские, булочные, кондитерские, две аптеки. Здесь же находились мужская и женская гимназии. На Московской улице до самой войны 1914 г. можно было наблюдать традиционное масляничное катанье, на которое съезжались сотни подвод с окрестных сел и деревень на лошадях, украшенных «серебряными сбруями» с бубенцамп и кистями, и непрерывным потоком, шагом, ездил по всей длине улицы до заставы туда и обратно.

Летний сад, о котором местные горожане и путеводители по городу с гордостью сообщали, что он «насажен плепными французами», был хоть и невелик, но тенист и уютен. С весны и по осень он служил местом прогулок гимназистов, гимназисток и мелких чиновников. По воскресеньям в нем играл военный духовой оркестр, капельмейстер которого по исполнению каждой полки и вальса важно раскланивался с аплодирующей публикой. На краю сада, выходящем к Волхову, на так называемой «Веселой горке», находился деревянный «русского стиля» ресторан с игорным клубом при нем.

Древний знаменитый кафедральный Софийский собор был такой же обжитой бытовой деталью города. Мало кто воспринимал его в значении великого исторического памятника. Для молодежи собор был местом встреч. Солидные граждане приходили сюда послушать пение архиерейского хора и его солистов-«исполтатчиков», насладиться громовыми раскатами протодьяконовских басов Марковского, Дворицкого, Прушинского, которыми также гордился весь город.

На обширной замощенной булыжником кремлевской площади между собором и Казенной палатой по «царским дням» после службы в соборе происходили военные парады — любимое развлечение мальчишек, да и вообще горожан, не избалованных зрелищами.

Весной, на пасху, в город приезжал цирк, наскоро строивший себе помещение на газоне около Летнего сада. В его представления наряду с традиционными номерами акробатов, жонглеров, наездниц и клоунов в описываемое время неизменно входили «чемпионаты французской борьбы». На афишах городскую молодежь всех сословий, да и не только молодежь, волновали имена прославленных знаменитостей: дяди Вани, дяди Пуда, сплачей Вахтурова, Заикина, «черной маски», «борца-студента А. Ш.» и других. По примеру столичных газет их «победами» и «поражениями» со всю серьезностью занималась местная газета. Впрочем, воспомпателью (тоже — что греха таить? — не остававшемуся равнодушным к борьбе) довелось однажды быть свидетелем большого конфуза в цирке. После парада борцов, открывавшего каждое представление, арбитр, представивший публике его участников — непобедимую «черную маску», железного венгра, стального шведа и прочих, по обычаю пригласил всех желающих выйти на арену и помериться с ними силами. Обычно не находилось желающих откликнуться на это приглашение. Цирк замирал от восхищения при виде строя откормленных атлетических фигур. Но тут па арену вдруг вышел два брата Щедровы, Федор и Александр, известные всему городу мясные торговцы, и выразили готовность побороться. Их честная и бесхитростная победа над «чемпионами» Европы и разных стран долго потом служила предметом разговоров в городе.

На том же газоне, где располагался приезжий цирк, стояло здание постоянного городского театра — небольшое, деревянное,

летнего типа, служившее, однако, круглый год, одинаково неудобное ни для публики, ни для актеров. Его иногда называли театром Мерянского, по имени основателя. Мерянский был весьма колоритной фигурой в городе. Один из видных провинциальных актеров и антрепренеров дореволюционной России — Нил Иванович Богдановский (по сцене Мерянский) — держал ряд сезонов труппу в Новгороде и под конец осел здесь навсегда. Построил театр, основал газету «Волховский листок», которую сам редактировал. В качестве редактора-издателя газеты и бойкого небезостроумного фельетониста, писавшего под всем известным псевдонимом Старец Нил, Богдановский был грозой и страхом не только для актеров, но и для именитых «отцов города» — гласных городской думы, для купцов и духовенства, боявшихся чем-либо прогневить старца Нила и попасть под каким-нибудь прозрачным, а то и под своим собственным именем на страницы его бульварного листка. В театре же он был неизменным самым почетным лицом. Его крупную фигуру с бритым актерским лицом, презрительно сложенными губами, мясистым носом, в очках, почти всегда можно было видеть на собственном постоянном кресле в первом ряду, рядом с креслом полицмейстера.

В губернских городах предметом особого внимания горожан всегда были губернаторы и архиереи, в таких церковных, как Новгород, вторые даже больше, чем первые. Об этих фигурах дореволюционной России немало написано в художественной и мемуарной литературе.

Новгородские губернаторы последних десятилетий ничем особенным не отличались и не оставили по себе памяти, кроме разве Башилова, учредителя борделя, получившего в честь его у обывателей прозвание «башиловка».

Провинциальные архиереи бывали на Руси разных типов. Архиереи-аскеты, из тех, что шли в монахи по призванию. Они тоже различались, были или фанатиками, или благостными. Физически больше худощавы, с впалыми щеками, заросшими бородой до глаз. Несмотря на отсутствие лоска, пользовались большим успехом у городских дам и всегда бывали окружены толпой «мироносиц». Архиереи-генералы, те, что шли в монахи из карьерных соображений и преуспевали по службе. Они бывали большей частью предстательно плотны или даже с брюшком. Обладали зычными голосами с раскатистыми генеральскими интонациями. Для подчиненного духовенства были грозой, а так как часто и по государственной лестнице достигали высоких положений и наград, то подчас бывали опасны и для гражданского начальства губернии вплоть до губернаторов. Архиереи-бонвиваны, большей частью из родовитых или даже аристократических фамилий. Хорошо светски воспитанные и образованные, нередко окончившие до духовной академии лицей или училище правоведения. Что их влекло в монахи? Может быть, верная легкая карьера, может быть, неудачно сложившаяся личная жизнь.

Административным рвением и вкусом к церковным тонкостям они не отличались. С местной знатью жили в ладах.

Новгородцы начала XX в. видели у себя архиереев всех трех типов: тихо-благостного Феодосия, мрачного Апдроника, властного Арсения, культурного и тактичного Алексея, будущего патриарха Московского и всея Руси.

В предреволюционном Новгороде были еще и другие замечательные личности <...>

УЧЕННЫЕ ОБЩЕСТВА

Новгород никогда не был сколько-нибудь заметным центром научной мысли. В нем не имелось высших учебных заведений. Способные к ученой деятельности силы оттягивались близкой столицей — Петербургом.

Лишь одно обстоятельство не могло не сказаться на проявлении здесь собственных научных устремлений: исторический характер города и обилие в нем древностей <...>

Самым серьезным из местных авторов, писавших о новгородских древностях в 50—60-х гг., был архимандрит Макарий (Миролюбов), чьи два тома «Археологического описания церковных древностей в Новгороде и его окрестностях», а также статьи в изданиях Русского археологического общества не потеряли своего значения до нашего времени.

К 1917 г. в Новгороде существовали два научных исторических общества, если не считать обязательной официальной Губернской ученой архивной комиссии: Общество любителей древности и Церковно-археологическое общество.

Общество любителей древности было организовано в 1908 г.¹ Оно зарекомендовало себя довольно интенсивной издательской деятельностью, выпустило до революции семь сборников научных трудов и ряд отдельных изданий. Наиболее значительные страницы жизни и деятельности общества в тот период были связаны с подготовкой и участием в проведении XV Всероссийского археологического съезда, состоявшегося в Новгороде в 1911 г. Участие в работе Предварительного комитета съезда, анкетное и непосредственное обследование губернии, собрание памятников, устройство выставки, организация публичных лекций по истории Новгорода с привлечением к ним крупных специалистов, подготовка гидов (экскурсоводов) к съезду — во всем этом деятельно уча-

¹ Общество любителей древности было организовано в 1894 г. В его первый состав вошли В. П. Ласковский, Н. А. Лашков, В. С. Передольский, Н. А. Сперовский (Архив Новгородского общества любителей древности. Протоколы заседаний и переписка за 1894—1898 гг. — Научный архив Новгородского музея-заповедника, № 1840—1920). См. также «Заметку» В. Ласковского в сборнике Новгородского общества любителей древности (в. 2, Новгород, 1909, с. 5—6). Новый состав общества был избран в 1908 г. Деятельность его отражена в сборниках, выходивших в 1908—1919 гг., последний (девятый) сборник вышел в 1928 г. — *Прим. редакции.*

ствовало общество. Потом, особенно после учреждения в городе второго научного общества в 1913 г., оно заметно потускнело.

Главными деятелями Общества любителей древности, его многолетними неизменными руководителями были Михаил Валерьянович Муравьев и Иван Васильевич Аничков. Внешне скромный и малозаметный, принадлежавший к одной из ветвей знаменитой фамилии, давшей и Муравьевых-декабристов, и Муравьевых-вешателей, председатель общества М. В. Муравьев не занимал большого места в губернском чиновничестве. В Новгородском уезде Муравьевым принадлежали имения Большие и Малые Терébони. С другой, тоже весьма известной фамилией — Мамонтовых — Муравьев был связан по жене, Людмиле Анатольевне, портрет которой девочкой в розовой кофточке, писанный Валентином Серовым, находится в Новгородской картинной галерее. Муравьев не был настоящим научным работником и даже по-настоящему сведущим в области истории или археологии человеком. Но дело это любил и не без успеха много лет руководил историческим обществом <...>

Аничков послал не менее древнюю и знаменитую фамилию. Знакомясь с кем-либо и рекомендуясь, он отчетливо ее называл и следил за правильным ее произношением, которое многие искажали ударением на первой букве. Этого он не переносил <...>

Внешне он был тип породистого русского дворянина, как мы представляем этот тип по классической литературе. Высокий, корпулентный, на массивном туловище маленькая голова. Очень живое лицо с выразительной мимикой: то серьезное, то детский лукавый, то с вытаращенными глазами и опущенными уголками рта, совсем би-ба-бо. По свойству своего легкомысленного характера Иван Васильевич не давал себе труда ни в устной, ни в письменной речи, говорил быстро и еще быстрее писал какими-то каракульками, которых после и сам не мог разобрать <...>

После Октябрьской революции Общество любителей древности в обновленном, конечно, виде существовало еще несколько лет.

Второе научно-историческое общество в Новгороде — Церковно-археологическое — возникло незадолго до революции, было открыто в январе 1913 г.²

Казалось бы, непонятно, для чего небольшому и небогатому культурными силами городу нужны были две параллельные, близкие по характеру и задачам организации. Но Общество любителей древности, объединявшее губернскую чиновничье-дворянскую верхушку, никак не было связано с теми слоями, в чьих руках практически находились памятники, составлявшие славу и значение Новгорода. Произведения древней монументальной и стан-

² Церковно-археологическое общество в Новгороде образовано в октябре—декабре 1912 г. (Организационное собрание Новгородского церковно-археологического общества. — Новгородские епархиальные ведомости, 1912, с. 1451—1456). — *Прим. редакции.*

ковой живописи, прикладного искусства, находившиеся в огромном большинстве в действующих церквях и монастырях, находились тем самым, по условиям того времени, в ведении и распоряжении духовенства. Между тем редкие представители последнего понимали их научное и художественное значение, видя часто в бесценных памятниках не более, как обиходные принадлежности культа. И высшие представители русского духовенства, епархиальные и викарные архиереи, в этом отношении мало чем отличались от рядовых приходских священников и вовсе не тронутых культурой монахов. Так, новгородский археолог-любитель В. С. Передольский в докладной записке 1890 г. в Императорскую археологическую комиссию изложил потрясающую историю того, как в Юрьевом монастыре потопили, а в Антониевом сожгли несколько мешков пергаменных и бумажных рукописей, древних книг и разного «лому», набранного по подвалам и чердакам, только для того, чтобы не возиться с описью «этого хламу» и после того не отвечать за его сохранность. Новгородские архиереи конца XIX—начала XX в. много повредили Софийскому собору неумелыми ремонтами и реставрациями, ремесленной росписью стен. Сколько еще подобных тихих погромов испытали на себе другие, менее заметные соборы, монастыри, церкви < . . >

Новгородский архиерейский дом принадлежал к числу наиболее богатых в Российской империи. Сменявшие друг друга новгородские владыки лишь скопидомно умножали его средства. Энергичный, деловой и предприимчивый Арсений сразу же по назначении его в Новгород тряхнул, что называется, капиталами архиерейского дома: построил прекрасную загородную дачу на высоком берегу Волхова при впадении в него летописной реки Пидьбы, на месте захудалой мызы. При даче, сделанной летней резиденцией самого архиерея и его гостей, соорудил каменную, в древнем новгородском стиле церковь, золоченая луковица которой привлекала внимание всех ехавших на пароходах по Волхову. Для удобства сообщения с загородной дачей приобрел моторный катер, которому дал название «Перун». Такой роскоши не было даже у местных губернаторов. Всем этим, в том числе «языческим» названием лодки, владыка сначала немало смущал старых благочестивых и приверженных благолепию новгородцев, не привыкших и не видавших, чтобы архиереи ездили на чем-либо ином, кроме закрытых карет. Впрочем, ни гражданае, ни тем более духовенство не осмеливались открыто выражать своего мнения по поводу владычных повведений: крутой нравом, с горделивой осанкой и зычным голосом, владыка пас свое стадо железом.

Но среди предприятий последнего владыки были и общепользующие. Была предпринята капитальная перестройка части старых архиерейских «покоев» и консистории в епархиальный дом. Последний был, конечно, задуман для нужд церковно-агитационной деятельности, духовно-правственных чтений, вечеров и концертов, но история повернулась так, что его великолепный зал

вот уже много десятков лет прекрасно служит в качестве городского театра, концертного зала, места торжественных собраний и митингов. При епархиальном доме было оборудовано замечательное помещение для архива, каких еще не бывало в Новгороде, и для Церковно-археологического музея (Древлехранилища). Тут же в январе 1913 г. с большой помпой, как все, что делал этот архиерей, было открыто новое Церковно-археологическое общество.

В отличие от дворянского Общества любителей древности оно объединило в своих рядах другие контингенты: духовенство, преподавателей духовной семинарии. Входили они в ученые ряды не столько по склонности к науке и велению сердца, сколько по велению владыки. Тематика их докладов и чтений в обществе была так же случайна и пустяшна, как и у их соседей, собиравшихся через дорогу, при Музее древностей: «О привилегиях новгородского Юрьева монастыря», «О монастырях новгородских с отличиями в священослужении». И пользы от нового общества было бы столько же, если б не боязнь грозного владыки, которая заставила приходское духовенство и монастырское начальство обратить некоторое внимание на древности, тщательнее их хранить или передавать в Древлехранилище.

Что же касается собственно научной деятельности в новом обществе, то ее уровень значительно повысило участие в ней петроградских, московских и иных ученых, занимавшихся вопросами новгородской археологии и искусства: академиком Соболевского, Перетца, профессоров Яцимирского, Айпалова и его молодых учеников Мясоедова, Мацулевича, Окунева, Сычева и других.

В короткое время общество смогло подготовить и издать сборник трудов, оказавшийся единственным. Благодаря тому же участию в нем «чужеродных» сил сборник вышел интересным, хотя и не избежал налета провинциальности в редакции. В одной из его статей, принадлежавшей перу П. Л. Гусева, к удивлению читателей, содержался резкий и неостроумный выпад против «некоего Ал-дра Анисимова», который при издании той же иконы в журнале «София» «очень важно и очень длинно поучает не то художников, не то публику, как „линии верхнего ряда мягко текут и круглятся, а контуры одежд то собираются в сложные остроугольные сплетения складок, то плавно разбегаются снова“» и т. д. А этот «пекий Ал-др Анисимов» — сочлен автора по обоим новгородским обществам, и его статья напечатана рядом, в том же выпуске трудов, несколькими страницами выше.

Церковно-археологическое общество прекратило свою деятельность непосредственно после революции.

Раз уж я начал воспоминания с дореволюционного Новгорода и людей, так или иначе связанных с изучением и охраной его древностей, надо рассказать и о старых новгородских музеях.

Ко времени революции в Новгороде их было два, почти не отличающихся друг от друга по названию: Музей древностей и Древлехранилище. Один состоял в подчинении гражданского,

другой — церковного ведомства. Кроме названий и частичного параллелизма коллекций, они не имели ничего общего, не координировали свои программы и деятельность и даже не общались, хотя находились рядом — оба в Кремле, через дорогу.

Первый был основан в 1865 г. и, таким образом, имел уже почтенный возраст и богатую превратностями историю, второй — возник пезадолго до революции, в 1911 г.³

Основателем Музея древностей был Николай Гаврилович Богословский, замечательный человек, редкий по уму, широте культурных интересов и прогрессивности взглядов деятель, священник, не пользовавшийся потому признанием своего духовного начальства. Ему Новгород обязан не только основанием музея и публичной библиотеки, по и рядом печатных работ. Работы Богословского, как и основанный им музей, на первых порах были посвящены не одним древностям, не тем более типичному для того времени описанию «святынь», но вопросам истории, этнографии, экономики, статистики, быта, фольклора — всему тому, что позднее вошло в широкое понятие краеведения.

Культурно-просветительные учреждения, в особенности общественного происхождения и инициативы, в царской России редко имели прочную судьбу. Собранный Богословским музей после отъезда его основателя из Новгорода быстро захирел и под конец был вовсе свернут из-за отсутствия продолжателей работы, средств и интереса к нему со стороны городских и губернских властей.

В конце 70-х—начале 80-х гг. музей пережил критический момент. Судьба его бездействовавших коллекций привлекла постороннее внимание. Молодой тогда, впоследствии широко известный профессор столичной духовной академии Н. В. Покровский возбудил вопрос о передаче их во вновь организованный им музей академии.

Из Новгорода до того было уже вывезено немало предметов старины, рукописей, книг в хранилища Петербурга и Москвы за отсутствием интереса к ним и надлежащего хранения на месте. На этот раз события развивались с некоторыми осложнениями. Экспонаты музея не занимали местных властей, пока ими кто-то не заинтересовался. По вопросу о передаче их возникла сложная дипломатическая переписка, в которой приняли участие с одной стороны влиятельный ректор академии Янышев и сам петербургский митрополит Исидор, с другой — новгородский губернатор Лерхе. В результате было решено поделить коллекции между Новгородом и Петербургом.

³ Новгородское епархиальное древлехрапилище открыто 3 января 1913 г. В 1911 г. проходила выставка XV Всероссийского археологического съезда, которая стала впоследствии ядром нового музея (Торжественное заседание по поводу открытия Церковно-археологического общества и Епархиального древлехрапилища. — Новгородские епархиальные ведомости, 1913, с. 13 и сл.). — *Прим. редакции.*

Инициатор дела профессор Покровский впоследствии довольно цинично писал о подробностях дележа. «Предметов было много, и мы делили их поровну на две части. Но так как древности я знал лучше, чем мои новгородские коллеги, и так как среди них не было специалистов, то уникальные и лучшие вещи, конечно, оказались на моей стороне».

Надо сказать, что это свидетельство участника дележа столько же самодовольно, сколько и самопадежно. Отобранные Покровским предметы отнюдь не были «уникальными и лучшими». Покровский сам руководствовался научно ограниченными представлениями и в качестве лучшего материала отбирал в большинстве поздние памятники, интересные ему с позиций главным образом иконографии или церковного быта.

В конце столетия музеев все же был вновь открыт в Новгороде под названием Музей древностей и размещен вместе с Публичной библиотекой в специально приспособленной для них Златоустовской башне Кремля. Башня и пристройка к ней были архитектурно обработаны в типичном для вкусов времени ложнорусском стиле. На стене башни, обращенной к дороге, издали бросалась в глаза крупная лепная рельефная надпись, сделанная славянскими буквами: мѣзи.

Уже подступы к музею и площадка перед входом в него, по неписаному правилу многих провинциальных музеев, подготавливали зрителя к тому, что внутри он увидит древности и редкости. Здесь на кирпичных основаниях были размещены крупногабаритные экспонаты, не боящиеся атмосферных воздействий: каменные кресты, каменные метательные ядра, каменная гробница, просто камни редкой формы, метеорит с бородавчатой поверхностью, три пушки из Кириллова монастыря, два бронзовых льва из аракчеевского «Грузина».

За массивной, окованной железом входной дверью и небольшим тамбурчиком, стены которого были сплошь выложены печными изразцами XVII в., внутри музея посетителя ожидало такое же, как и снаружи, смешение разнородных предметов, которое показалось бы странным современному зрителю.

С точки зрения современных представлений и требований, было бы трудно определить профиль музея в целом, проследить последовательность и план его экспозиции. Только два зала имели более или менее выдержанное содержание: церковный и оружейный. В первом из них, кстати, самом большом по размерам, были сосредоточены иконы разного времени, без всякой системы, нерасчищенные и неспособные давать представление о древнерусском искусстве, облачения, большое количество медных литых и резных образков и складней, среди которых неспециалисту невозможно было выделить и остановиться на действительно интересных. Во втором — предметы вооружения, объединенные по одному этому общему признаку, но далее не систематизированные ни по странам, ни по времени — русские, западноевропейские, восточные, древние и новые, XVIII—XIX вв. Древнерусские кольчуги

и шлемы, рыцарские латы, пищали, арбалеты, кремневые и барабанные пистолеты, бердыши, секиры, шпаги, сабли, кивера. А наряду с ними целая стена зала отведена женским головным уборам, притом не подлинным.

В остальных залах музея, на лестнице и на площадках в самых неожиданных сочетаниях размещались старые железные двери, весы, гири, большое железное било, коллекция валдайских колокольцев, ртутный барометр, разрезы деревьев, деревянные и лубочные изделия, модели неизвестных построек, предметы из археологических раскопок и случайных находок — кремневые скребки, наконечники стрел и копий, бронзовые бусы, подвески, браслеты, гравюры и литографии с видами Новгорода, случайные портреты и картины вроде «Чествования Эразма Роттердамского» и портрета Разумовского, фаворита царицы Елизаветы.

Среди этой массы предметов, накопленных музеем за полвека его существования, были предметы выдающегося значения, высокомерно отбракованные профессором Покровским при дележке коллекций, до сих пор занимающие почетное место в экспозиции новгородского музея. И было немало курьезов вроде чугуниной статуэтки шута «пэнча» или коллекции женских головных уборов и костюмов, изготовленных в «русском стиле» для дам дворянского сословия к балу в Дворянском собрании в присутствии царя, приезжавшего в Новгород на открытие памятника Тысячелетие России в 1862 г.

Ни научных сотрудников, ни экскурсоводов в музее, ни даже охраны в его залах не существовало. Разбирал поступавшие в музей предметы и записывал их в свободное от службы время любитель, чиновник одного из городских учреждений Володин. Он же осуществлял и руководство Публичной библиотекой <...>

Фондовых помещений или запасников в музее также не было. Всякому вновь поступающему предмету подыскивалось свободное место в залах.

Числился Музей древностей в ведении Губернского статистического комитета и управлялся специальной комиссией.

Второй музей, Древлехранилище, находился через дорогу, напротив Музея древностей, в так называемом епархиальном доме <...> Открытый с большой помпой в 1911 г., епархиальный дом представлял собою своеобразный «дом культуры», в котором помещались и епархиальное управление — духовная консистория, и братство Александра Невского с книжным магазином, и превосходный зал для духовных чтений, вечеров и концертов <...>

Исходным содержанием этого музея послужили церковные древности, собранные по епархии к XV Всероссийскому археологическому съезду, бывшему в Новгороде в 1911 г., и переданные туда после выставки. Затем много старых, выпедших из практического употребления предметов стали присылать в музей городские и сельские священники, зная о причуде или увлечении своего строгого владыки, из желания выслужиться перед ним.

В отношении научности экспозиции новый музей мало чем

отличался от старого, разве что был однороднее того по составу и не являл подобной тому картины невероятного смещения экспонатов. Быть бы и ему еще одним бесславным провинциальным собранием «церковной старины» (деревянных фонарей, оловянных сосудов, медных кадил и лампад и прочего вышедшего из употребления церковного реквизита), если б не участие в работе и судьбах музея крупных специалистов, столичных ученых, с самого открытия счастливо вовлеченных в круг его радетелей. Академики А. И. Соболевский и В. Н. Перетц, профессор Д. В. Айналов, плеяда его молодых тогда учеников, специально занимавшихся памятниками искусства Новгорода — В. К. Мясоедов, Л. А. Мацулевич, Н. Л. Окунев, Н. П. Сычев, местный древнерусник А. И. Анисимов своими консультациями способствовали обогащению музея в короткое время многими действительно ценными, часто первоклассными памятниками древнерусской живописи, прикладного искусства, рукописями, составившими новгородскому Древлехранилищу заслуженную славу.

Главное, чем оно снискало широкую известность в научных кругах специалистов и завоевало почетное место в науке, была широко развернутая в нем деятельность по реставрационному раскрытию произведений древнерусской живописи, к которому были привлечены такие реставраторы, как Г. О. Чириков и П. И. Юкин.⁴

Собственными научными силами Древлехранилище, как и Музей древностей, не обладало. Упомянутая и благодарной памяти заслуживает его хранитель Анатолий Васильевич Никифоровский. Он не был научным работником по подготовке и образованию. Простодушный, аккуратный и заботливый о своем музейном хозяйстве человек, своей благожелательностью и готовностью ко всяческой помощи он приобрел широкую популярность у всех, кому еще до революции и в первые годы после нее довелось работать с коллекциями музея.⁵

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Ранней весной 1918 г. учреждения народного образования в Новгороде: мужская и женская гимназии, реальное училище, духовная и учительская семинарии, городская библиотека — переживали период фактического перехода в ведение Советской власти.

В большинстве случаев переход этот совершался спокойно, без

⁴ Реставрацией икон в Новгороде в основном занимался П. И. Юкин. Г. О. Чириков раскрыл лишь две иконы (Анисимов А. И. Каталог выставки XV Всероссийского археологического съезда. Отдел II. Новгород, 1911, с. 2). — *Прим. редакции.*

⁵ Анатолий Васильевич Никифоровский был составителем Каталога Епархиального древлехранилища, в котором указано 258 икон XIV—XVIII вв. (Каталог Новгородского епархиального церковного древлехранилища. Новгород, 1916). — *Прим. редакции.*

особых осложнений, по крайней мере внешних. Директора учебных заведений вызывались в Губернский отдел народного образования — в известный всем губернаторский дом, а потом на месте у себя знакомили его представителей, членов коллегии, с личным составом, делами учебной части, хозяйством своих заведений. Период массового саботажа, когда руководители учреждений по столичному образцу или по собственному разумению считали долгом, по крайней мере пассивно, выразить свой протест против перехода в «подданство» Советской власти, уже прошел.

И вот едва ли не единственным из культурно-просветительных учреждений в городе, которое не осталось все же в стороне от припятого «этикета», оказался... Музей древностей.

В один из первых дней апреля 1918 г. руководство музея, осуществлявшееся тогда Комиссией статистического комитета, а фактически Обществом любителей древности, было уведомлено о том, что музей поступает в ведение Губернского отдела народного образования и что отделом назначен заведующий музеем — автор этих воспоминаний.

В назначенный день и час я явился в музей. Давно знакомый сторож, открывший на звонок дверь, таинственно сообщил, что комиссия собралась и ждет в служебной комнате. Вход в эту комнату вел из вестибюля по узенькой, расписанной орнаментом лестнице, пробитой в толще башенной стены.

В комнате за столом, накрытым красной бархатной скатертью, сидели 6 или 7 членов наблюдательной комиссии, полностью входивших в состав правления Общества любителей древности, все из высшего круга губернского чиновничества: председатель Губернской судебной палаты Драницын, он же председатель Наблюдательной комиссии музея, член суда Аничков, председатель Казенной палаты Мозовский, чиновник Государственного банка Вильконский и другие.

Молчавшей и ожидавшей комиссии был предъявлен мандат за № 438 от 3 апреля, удостоверявший, что предъявитель его является сотрудником Отдела народного образования Губернского исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и назначен заведующим музеем.

Председатель комиссии Драницын, огласив врученную ему бумагу, встал и зачитал заранее подготовленное заявление: комиссия считает передачу музея органам Советской власти незаконной и протестует против нее. В знак протеста все члены комиссии встали из-за стола и в полном составе покинули музей.

Особая курьезность этого неожиданного и ни в какой мере не повлиявшего на ход вещей «саботажа», помимо его места (Музей древностей) и запоздалости (апрель 1918 г.), заключалась еще в том, что назначенный Советской властью заведующий принадлежал к членам общества и, будучи еще студентом Археологического института, в качестве уполномоченного от общества осуществлял наблюдение за археологическими находками по линии повостроившейся железной дороги.

Однако комиссия ушла, и с нею ушел хранитель музея Володин <...> В музее остался один его сторож Николай Федорович.

— Строптивные господа. Я еще до вашего прихода слышал — соглашались все уйти. Ничего, ключи от витрин у меня, и я знаю, где что лежит.

На следующий день мы начали с ним знакомство с хозяйством музея и проверку коллекций.

ПЕРВАЯ ПЕРЕСТРОЙКА СТАРЫХ НОВГОРОДСКИХ МУЗЕЕВ

Унаследованные от дореволюционного времени музеи, особенно местные, требовали безотлагательной перестройки. В новых условиях с первых же шагов им предстояло, с одной стороны, включиться в массовую просветительскую работу, принять тысячи новых посетителей, с другой — принять, переработать, обеспечить хранение и использование огромного количества хлыщувшего в них с революцией нового материала.

Между тем мы, новое поколение советских музейных работников, были не очень подкованы в музейном деле, не исключая и тех, кто окончил вузы по более или менее близкой специальности. В Петроградском археологическом институте у нас читались курсы археологических раскопок, архивоведения, археографии, нумизматики, даже дипломатики и геральдики, но музейного дела, предмета, казалось бы, более нужного, в программе не было.

В целесообразности сохранения музеем исторического профиля в таком городе, как Новгород, не возникало сомнения ни у центрального, ни у местного руководства.

С заменой старомодного, нестерпимо провинциального названия одного из старых музеев — «Музей древностей», — от которого за версту несло дилетантизмом досужих любителей старины, на новое — «Исторический музей» — в основном определялись пути его перестройки. В первую очередь он, конечно, нуждался в очистке от захламлявших его случайных «редкостей» и экспонатов вроде реквизита дворянского бала, организованного в «стиле рюс» в 1862 г. в честь приезда царя. Основная масса экспонатов стала приводиться в более стройный вид, подчиненный некоторому, хотя и не очень строгому на первых порах, плану, позволявшему проводить экскурсии по музею уже не в старом типе показа «чем богаты, тем и рады». Это вот сабля петербургского генерал-губернатора Суворова, это — каменный идол наподобие Перуна, это — портрет управительницы Аракчеева Настасьи Минкиной, это — железное било, в которое звонили вместо колокола. Кстати сказать, любителей такого рода показов и экскурсий — не из числа работников Губмузея — оставалось еще достаточно и в послереволюционные годы <...> и

они иногда негодовали, почему «новыми музейщиками» убран куда-то тот или иной экспонат.

В те годы не было еще того увлечения «дополнительным материалом» — всякими надписями, цитатами, рисунками, которое вскоре приобрело гипертрофические размеры и стало местами теснить подлинный материал. Все же без некоторых надписей, карт, схем было уже не обойтись, особенно при недостаточности материала по некоторым темам.

Так были «причесаны» и выделены разделы первобытных древностей — неолитических памятников края, древнего Новгорода, Новгорода XVIII—XIX вв. Радикально перестроить музей и по-повому организовать всю экспозицию (слово, которое еще не вошло тогда в широкое употребление) мешал крайний недостаток места и маневренных возможностей. В старом помещении музея в Златоустовской башне Кремля было всего четыре комнаты, в числе их два «мертвых якоря» — отделы оружия и церковных древностей. Они были битком набиты вещами и, кроме того, оборудованы такими прочными и массивными плотнично-столярными приспособлениями, убрать которые, что сразу же повлекло бы за собой большой ремонт залов, в условиях того времени было трудно, если не сказать невозможно. Что надо было сделать с церковным отделом, собственно говоря, было ясно: упразднить его в качестве самостоятельного, притом самого большого, отдела здесь и передать в состав находящегося рядом специального музея — Древлехранилища. Позднее это и было сделано. Но на первых порах такому простому мероприятию мешала общая для обоих музеев беда: там, в Древлехранилище, имелось еще меньше помещения при таком же полном отсутствии запасников.

Вопросы перестройки Музея древностей, и методические, и практические, обсуждались в Губмузее, что с Губполитпросветом, иногда и на коллегии Губоно. Некоторые из его заведующих (Л. О. Пипер, М. А. Иванов) ближе ими интересовались, другие (Н. А. Бровцын, И. И. Орехов) были к ним равнодушны.

Собственный штат музея состоял из одного заведующего и одного, потом двух музейных служащих. Заведующим музеем с 1920 и в течение всех 20-х гг. был Сергей Михайлович Смирнов, историк по факультетскому профилю, прослушавший курс Археологического института.

В Златоустовской башне Исторический музей находился до самой войны.

Иной — более богатой событиями — сложилась жизнь второго дореволюционного новгородского музея — Древлехранилища.

Этот музей, казалось бы, еще более специальный, чем первый, с самого начала своего существования в 1911 г. привлек к себе живое внимание в связи с обозначившимся в стране подъемом интереса к национальной художественной старине и тем обстоятельством, что он едва ли не единственный из провинциальных музеев широко развил реставрацию древней живописи. После ре-

волюции Новгород стал ареной оживленной реставрационной работы, и потому его музей древнерусского искусства естественно оказался в центре внимания.

Начиная с 1918 г. сюда неоднократно приезжала Всероссийская реставрационная комиссия, руководимая И. Э. Грабарем. В перерывах между ее коллегиальными приездами Новгород постоянно посещали ее отдельные члены и реставраторы — сам И. Э. Грабарь, А. И. Анисимов, Г. О. Чириков, П. И. Юкин. Но так как Новгород формально входил в сферу Петроградского реставрационного отдела, еще чаще сюда выезжала комиссия из Петрограда. Многочисленные сотрудники развернувшихся в Новгороде в те годы архитектурно-реставрационных работ, художники, студенты-искусствоведы Московского и Петроградского университетов и Института истории искусств не могли обойти Древлехранилище. Силой обстоятельств оно стало чрезвычайно оживленным и бойким местом.

В музее должен был отлагаться резко возросший приток памятников живописи и прикладного искусства из закрывавшихся церквей и монастырей. Между тем он был стеснен помещением еще в большей степени, чем Музей древностей. Дополнительная площадь ему была нужна, как воздух задыхающемуся. С помещениями в городе дело обстояло плохо. На неоднократные обращения Губоно по поводу музея горсовет ничего не мог обещать: много помещений, в том числе в Кремле, занято военными учреждениями.

Однажды, при случайном разговоре в Губисполкоме, довелось рассказать об этих заботах А. К. Макарову. Давний член Губисполкома, он был в это время и комендантом Новгородского укрепленного узла обороны и ведал всеми военными учреждениями. Его управление занимало в Кремле так называемые «архиерейские покои», примыкавшие к Софийскому собору.

— Заходи ко мне. Подумаем.

Пойти к тов. Макарову мы условились вместе с проф. Н. П. Сычевым, всегда принимавшим близкое участие в делах Новгородского музея и оказавшимся в это время в Новгороде.

А. К. Макаров, человек по виду глубоко штатский (позднее он работал заведующим Губземаотделом), с рыжеватой бородой, в очках, принял нас в своем кабинете. Маленький кабинет этот находился в самом конце обширных «архиерейских покоев», и пройти в него надо было через 6—7 парадных залов. Сев у стола, за которым сидел сам тов. Макаров, мы изложили ему все наши беды, стараясь быть краткими. На столе непосредственно перед посетителями стояла прислоненная к письменному прибору выразительная открытка: на ней молоток пригвождал большим гвоздем к столу чей-то язык. Наши пожелания сводились к тому, чтобы получить для задыхающегося музея хотя бы некоторую дополнительную площадь, естественно, поближе к нему, лучше всего в одном из корпусов бывшего архиерейского двора, за Софийским собором. Макаров внимательно выслушал.

— Ну, вот что, товарищи. Я вижу, помещение вам действительно нужно. Если решать вопрос, так надо решать его как следует. Я передам вам под музей «архиерейские покои». Мы — военные люди, нам такого дворца не надо. Присылайте принять помещение через три дня. Устраивает это вас?

Мы сидели ошеломленные. Идя к тов. Макарову, мы надеялись на помощь, но на такой оборот дела никак не рассчитывали. И в Губоно были им поражены не менее нас.

Тов. Макаров был точен по-военному. Через три дня музей въезжал в роскошное помещение архиерейских палат, по существу лучшее тогда в городе.

Разрешался весь узел неразрешимых до того вопросов. Великолепные светлые залы позволили развернуть экспозицию древнерусского искусства, какой в те годы не было ни в одном не только местном, но и центральном музее, и в какой жемчужины новгородской живописи сияли в полную силу. Музей мог разместить запасники, большую научную библиотеку, реставрационную мастерскую. Создалась возможность проведения при музее собраний научного общества. В непосредственном соседстве с музеем, через площадку, находился большой концертный зал, теперь перестроенный под театр, в нем Губмузей получил возможность организовать лекции по истории и искусству. Лекции акад. С. Ф. Платонова, проф. И. П. Сычева, А. И. Анисимова, художника К. С. Петрова-Водкина собирали сотни слушателей. На другом конце музея, также через площадку, имелось неиспользованное помещение бывшей домово́й архиерейской церкви, из которой, разобрав иконостас, произведя переоборудование и нужную перекраску стен, музей получил прекрасный зал для временных выставок. Наконец, сюда же в большую комнату над проездом в Софийский двор был переведен из Губоно и Отдел по делам музеев и охране памятников, это помещение было предоставлено ему совместно с Управлением губернского инженера, оба учреждения вместе состояли из пяти человек.

В условиях столь широкой жизни музей находился до 1925 г., когда его помещение в «архиерейских покоях» было передано Окружному исполнительному комитету с его отделами. Музею древнего искусства взамен был предоставлен нижний этаж бывшего губернаторского дома, на Торговой стороне, в верхнем этаже которого к тому времени уже помещалась вновь организуемая в городе Картинная галерея. Масштабы музея сохранились, но решение имело свой смысл: два родственных музея объединились в одном здании в единый Музей древнего и нового искусства. Через несколько лет, с передачей бывшего губернаторского дома военному ведомству, художественный музей в составе обеих его половин вновь возвратился в Кремль, в специально для него оборудованное здание Входу иерусалимского собора, в котором находился до войны и эвакуации 1941 г.

Первые же послереволюционные годы были временем организации в Новгороде ряда новых музеев. Возникновение их вызывалось потребностями жизни. Иные из этих музеев впоследствии отмерли, другие в том или ином виде сохранились и продолжают свое существование в качестве отделов в системе единого Новгородского государственного музея-заповедника.

В связи с воспоминаниями о судьбах Музея древнерусского искусства представляется уместным рассказать о специальном Хранилище ценностей.

Собственно говоря, Хранилище ценностей не представляло собою чего-то совершенно особого от названного музея. Его содержанием были те же произведения древнерусского прикладного искусства, отличные от хранившихся в самом музее тем, что они были из драгоценных металлов — серебра, золота, платины. Практика всех вообще музеев, как местных, так и центральных, подсказывала выделение таких предметов в целях их лучшей охраны в особые помещения, надежнее других или специально охраняемые. В разных музеях они назывались и называются по-разному: особые кладовые, золотые кладовые, специальные фонды, хранилища ценностей.

В старых новгородских музеях до революции было минимальное количество драгоценностей, поэтому задач устройства их особого хранения, в особенности при старых, патриархальных порядках музейной жизни, не возникало. Хотя случаи хищения ценных предметов, главным образом серебряных монет, и бывали.

Проблема организации особого Хранилища ценностей встала перед Губмузеем во весь рост после изъятия церковных ценностей в 1922 г.

В одном из отделений хранилища в то время помещалась древняя Софийская ризница. Этот фонд, широко известный в литературе, исторически сложившийся, содержащий в себе десятки всемирно известных памятников (знаменитые софийские сионы XI в., большой и малый, не менее знаменитые кратиры XII в., реликварии, кресты, панагии, посохи, облачения, шитые пелены и проч.), представлял собою ценность, которую Губмузей решил не рознить и ничем не разбавлять. Он занимал южную галерею палатей, обращенную окнами на Кремлевскую площадь.

Имелась совершенно такая же северная галерея, занятая кое-какими шкафами, витринами и т. п. Невозможно было придумать лучшего помещения для хранилища новых ценностей. Помимо достаточной площади, хороших условий освещения, оно было хорошо защищено. Чтобы проникнуть в него, злоумышленнику надо было бы взломать две железные двери, ведущие на круглую лестницу в башне собора, внизу, потом две двери из башни в западное отделение палатей, потом еще две из него в северную галерею.

После нового оборудования хранилище приняло импозантный вид. Объемные предметы: потиры, диски, ковши, кадила, книги в окладах — были размещены в витринах, плоские — в основном оклады икон — на щитах, обитых красным сукном. Здесь были представлены все виды ювелирной техники: литье, чеканка, гравировка, филигрань, эмаль, чернь в их историческом развитии. В новом хранилище оказалось немало памятников «первого класса»: оклад с иконы Знамения с древними перегородчатыми эмальями, знаменитая антоновская серия выемчатых лиможских эмалей и другие.

Особого штата научных сотрудников Хранилище ценностей не имело, числясь отделением Музея древнего искусства. Ночная охрана его обеспечивалась сторожем с приданной ему собакой.

В настоящее время соответствующее хранилище Новгородского музея, с объединением в нем предметов Софийской ризницы и иных, помещается в Грановитой палате.

Одним из постоянных желаний местных органов власти, в том числе Губисполкома, по части музеев, начиная с первых лет революции, была организация в Новгороде Картинной галереи. Исторический музей, Музей древнерусского искусства — нужности их никто не оспаривал. Так называемые Музеи местного края только еще нарождались в стране и не завоевали той популярности, какую они скоро получили. Картинная галерея была всем понятной и привлекательной формой нового музейного строительства.

В дореволюционной России, кроме Третьяковской галереи в Москве и Музея Александра III в Петербурге — галерей нового русского искусства, лишь еще в двух-трех городах существовали картинные галереи, вроде Радищевской в Саратове. Новгород не составлял исключения из общего правила. При наличии в нем двух собраний древнего искусства собрания нового искусства не имелось, и этот недостаток все больше ощущался с развертыванием широкой культурно-просветительной работы после революции.

Зерном, из которого стали вырастать на местах художественные музеи, в большинстве случаев были собрания картин, портретов и произведений светского прикладного искусства из бывших помещичьих усадеб <...> Правда, губерния не принадлежала к числу особенно богатых усадьбами, и потому в противоположность обилию памятников древнего искусства ожидать значительных светских художественных ценностей в ней было трудно. Все же работниками Губмузея и уездных музеев из обследованных усадеб, в большинстве пустовавших, было собрано в Новгород, Старую Руссу, Боровичи, Малую Вишеру некоторое количество картин, гравюр и портретов.

Произведений большой художественной ценности среди них не было. Обычно находились вещи второстепенного значения по-

пулярных во второй половине XIX в. художников Ю. Клевера, Е. Волкова, изредка Айвазовского, не всегда достойные места в художественном музее. Больше было портретов. Изображения важных господ в париках и цветных камзолах или военных мундирах и не менее важных дам в чепцах и фижмах представляли ценность для экспозиции уездных музеев в историко-бытовом плане. Довольно большое число их, собранное в губернском музейном фонде, позволяло предполагать, что среди них найдутся произведения не только бытового, но и художественного назначения.

Выявление такого рода жемчужин было делом увлекательным, но не скорым. Своих знатоков и экспертов по новой русской живописи, особенно портретной, в небольшом коллективе сотрудников Губмузея не было, за исключением художника С. К. Матвеевского, весьма осторожного в своих высказываниях. Но среди постоянно приезжавших в Новгород людей немало было таких, у кого можно было получить авторитетные консультации «...» Назову сотрудников Русского музея в Петрограде — Е. К. Мроза, А. И. Кудрявцева, скорого и щедрого на заключения не только по древнерусской, но и по новой живописи Н. П. Сычева, наоборот, немногословного и осторожного П. И. Нерадовского. Приходилось пересматривать местные фонды и выделять среди них «стоящие» вещи с москвичами Г. О. Чириковым, Н. М. Щекотовым и, конечно, И. Э. Грабарем.

Особенно большую, потому что длительную и повседневную, помощь в экспертизе музейного фонда живописи оказал нам в период своего пребывания в Новгороде академик живописи О. Э. Браз. Художник, в собственной практике живописца, по видимому, далекий от увлечения живописью XVII—начала XIX в., он оказался незаурядным ее знатоком и помог определить авторство ряда превосходных портретов, занявших затем почетное место в экспозиции художественного музея.

Иногда для окончательного определения вещи Бразу приходилось промывать загрязненную живопись или даже снимать старый лак. Хоть он смело брался за такие операции и они по существу не представляли особой сложности, меня эта смелость настораживала, и я устраивал так, чтобы он производил их вдвоем с великолепным нашим реставратором Никитой Егоровичем Давыдовым. Это был во многих отношениях «зело премудрый философ», человек с золотыми руками. В результате их работы наш фонд обогатился несколькими первостепенными портретами, перешедшими из бытового в художественный отдел.

Так, долго привлекал внимание своими, несомненно, выдающимися качествами портрет неизвестного бледного молодого человека в темно-зеленом камзоле, поступивший еще в 1918 г. из собрания Струговщикова в Чудове. Однажды утром Браз в рабочем халате и в очках приходит в кабинет Губмузея, помещавшийся через площадку лестницы, и приглашает в реставрационную мастерскую:

— Пойдемте-ка, посмотрите, что мы с Никитой Егоровичем открыли.

На столе в мастерской лежал этот струговщиковский портрет, только что промытый. В его верхнем левом углу обнаружилась подпись < . . > Оставшаяся, к сожалению, портретом неизвестного молодого человека, вещь теперь могла быть внесена в инвентарь Картинной галереи как подписное произведение выдающегося русского портретиста конца XVIII в. Ивана Петровича Аргунова (1727—1802).

Примерно в то же время, что и портрет И. Аргунова, были определены портрет неизвестного мужчины с полным, мясистым лицом как работа Родчева и портрет розовощекой дамы в чепце с лентами как работа Рокотова. Обе атрибуции нашли согласное признание Е. К. Мроза и П. И. Нерадовского. И. Э. Грабарь при внимательном осмотре портрета также безоговорочно признал атрибуцию и, со свойственным ему дружеским вниманием, в письме уже из Москвы еще раз возвратился к портрету, снова переоценив все доказательства принадлежности его великому живописцу, вплоть до любимой им обводки охряной полосой по краям, и поздравил с великолепной находкой.

В одной из мелких усадеб по р. Волхову сотрудником Губмузея был найден на чердаке подписной рисунок О. Кипренского, изображавший мальчика с собакой. Из усадьбы князей Васильчиковых «Выбити», когда был свернут существовавший в ней некоторое время музей быта, поступил ряд портретов таких крупнейших мастеров, как Боровиковский, Павел Чистяков, Крамской. И все же собранного по губернии материала было недостаточно для организации Музея нового русского искусства.

В течение ряда лет Губмузей прилагал усилия к получению для Новгорода картин из Государственного музейного фонда.

В 1921 г. при случайно сложившихся обстоятельствах едва не была получена большая партия картин из музея Петроградской Академии художеств. Это были годы перестройки академии и всевозможных экспериментов с ней, в том числе упразднения академического музея, содержавшего лауреатские работы.

Однажды Губмузей получил телеграмму, вызывавшую заведующего в Петроградский музейный отдел. Им тогда заведовал Серг. Конст. Исаков, всю жизнь близкий к академии, работавший в ней еще до революции, сохранивший связь с нею до последних дней жизни. Человек увлекающийся, он был в то время активным сторонником нововведений в поставке академического образования.

Когда я явился к нему в музейный отдел, он пригласил, не объясняя ничего, проехать вместе с ним в академию. И только здесь, когда мы вошли в залы музея, расположенные по циркулю, он широким жестом хозяина предложил:

— Ну, выбирайте, что вам нравится для своего музея. . .

Я был ошарашен неожиданностью. Правда, на стенах музея имелось уже немало пустых мест. Кто-то уже до меня «выбирал»

в нем экспонаты. После я узнал, что незадолго до меня вот так же был вызван для той же цели племянник Сергея Константиновича художник Е. М. Тихвинский из Пскова, где он заведовал музеем. Однако в постепенно пустевшем музее оставались еще знакомые и любимые картины, из числа которых нами и был составлен список назначенных в Новгород. Среди них были «Воскрешение дочери Иаира» Поленова, «Сожжение протопопа Аввакума» Мясоедова, «Ранний снег» Фокина, «Старые годы» Демьянова и другие.

Однако получение их в Новгороде задержалось тогда из-за отсутствия помещения для музея и перспектив на него.

Этот вопрос нашел разрешение только еще через три года при предоставлении под художественный музей здания бывшего губернаторского дома — сначала одного, а затем и обоих его этажей, из которых в нижнем поместился музей древнерусского, а в верхнем — нового русского искусства. Главнаукой, утвердившей проект организации музея, был разрешен новый отбор картин для него из Государственного музейного фонда в Ленинграде.

В начале 1925 г. из Ленинградского отделения музейного фонда была получена первая партия картин — более двух десятков. Она не заключала в себе столь широко известных, как картины академического музея, но в ней имелась полотна Боголюбова, Вл. Орловского, Шишкина, Творожникова, Вл. Маковского. Их комплект был значительно пополнен и усилен непосредственной передачей еще вдвое большего числа экспонатов из фондов Русского музея, выделенных благодаря неизменному благорасположению к новгородскому музею директора Русского музея Н. П. Сычева и заведующего художественным отделом П. И. Нерадовского. Тут были вещи Басина, Егорова, Брюллова, Бруни, Флавицкого, Тропинина, Венецианова, Максимова, Ге, Нестерова, Крыжицкого, Рылова, Петровичева, Жуковского, Юона, Бялыницкого-Бируля, Архипова, Малявина, Грабаря, Коровина, Кустодиева, Рериха, Ал. Бенуа, Добужинского, Сомова, Петрова-Водкина, Татлина.

Эти две партии полученных картин вместе с имевшимся местным фондом образовали уже достаточную основу для картинной галереи в Новгороде.

Живописный и графический материал дополнился коллекцией художественного фарфора. Залы, в приемах экспозиции того времени, были обставлены гарнитурами подлинной мебели XVIII—XIX вв. из карельской березы и красного дерева.

Картинная галерея была торжественно открыта 8 декабря 1925 г.

Но и по открытии она продолжала пополняться новыми поступлениями из Государственного музейного фонда, из Русского музея, из некоторых уездных музеев.

Организованный и открытый под названием Картинной галереи, этот новый музей в городе, объединившийся под одной кры-

шей с Музеем древнерусского искусства, образовал вместе с ним единый Музей древнего и нового искусства. В губернаторском дворце он находился до 1931 г., а позже был передан в Кремль и размещен в специально для него переоборудованном бывшем Входуперусалимском соборе, где и находился до войны.

То обстоятельство, что в моих воспоминаниях первое место отведено Историческому и Художественному музеям, не означает, что ими одними исчерпывалось музейное строительство в Новгороде. В общегосударственном плане они, конечно, стояли на первом месте, поскольку дело касалось Новгорода, и входили в государственную музейную сеть. Но интересы и потребности местной культурной и политико-просветительной работы требовали еще и иных опорных баз, кроме них, и, таким образом, определили появление нескольких музеев, входивших в так называемую местную музейную сеть.

Одним из первых музеев этого плана был Музей революции.

Надо ли разъяснять причины его возникновения? Создать возможность изложения для массового зрителя на наглядном материале революционного процесса в стране, показать отражение его в своей губернии, запечатлеть свершение Великой Октябрьской социалистической революции в Новгороде и уездах, участие в ней и в гражданской войне местных жителей и организаций — вот первые задачи, которые ставились перед музеем.

Мы привыкли теперь видеть музеи революции прекрасно оборудованными, с картинами, скульптурами, большими фотографиями в просторных залах. Ни в здании бывшего духовного училища, что в тупичке за Входуперусалимским собором в Кремле, ни в помещении Совпартшколы в бывшей мужской гимназии на Московской улице таких залов и таких экспонатов не было в нашем Музее революции. Были журналы, газеты, вырезки из них, были разномасштабные фотографии, подчас любительские, печатные и исполненные местными художниками диаграммы. Но среди массового и самодельного материала было то, что имело большую и неповторимую ценность: отдельные номера дореволюционных большевистских газет «Искры», «Звезды», переданных в музей старыми подпольщиками; нелегальные листовки местной подпольной типографии; фотографии участников революционного движения, Октябрьской революции и первых лет советского строительства в Новгороде и уездах; фотографии местных участников гражданской войны, добровольческих коммунистических отрядов и проч.

Музей революции, созданный по решению Губкома, формально не был в подчинении Губоно и Губмузея. Мы передавали ему соответствующий материал, оказывали помощь в оборудовании, вообще жили в близком контакте, особенно в период, когда в Губкоме и в Губполитпросвете работал приехавший из Петрограда П. Ф. Юдин, выбывший потом из Новгорода в Москву, в Институт красной профессуры <...>

В Новгородской губернии в первые же годы после революции

краеведческие музеи возникли в Старой Руссе, Боровичах и Малой Вишере. Их заведующими были по основной профессии учителя, прикипевшие душой к музейному делу и делавшие для него все, что было в их силах. Организатор музея в Старой Руссе Мария Васильевна Васильева, обладавшая кипучей энергией и положившая много сил на музейную работу, заслуживает самой благодарной памяти. Самым сильным из уездных музейных работников был Сергей Николаевич Поршняков. Как и все, он не был музейщиком-профессионалом, такого профиля еще не существовало в вузовской подготовке. Естественник по образованию, учитель, инспектор УОНО, он оказался истинным, что называется до мозга костей, краеведом. Серьезный, немного застенчивый и заикающийся, интеллигентного вида, с небольшой мягкой бородкой и «чеховским» пенсне, Сергей Николаевич всегда ясно знал, что и как он делает. На совещаниях и съездах — в губернии ли, в Ленинграде ли — выступал всегда продуманно и содержательно. У себя в Боровичах пользовался большим авторитетом. Он организовал и в течение многих лет вышестовал там краеведческий музей, доселе сохраняющий жизнеспособность.

Отсутствие собственно краеведческого музея в самом Новгороде ощущалось болезненно не только в силу требований «моды». Сложившиеся облики обоих старых музеев не давали возможности Историческому музею, ни тем более Музею древнего искусства развернуться в музей общекраеведческого типа ни по условиям помещения, ни по строго очерченной их программе и задачам. Краеведческий музей в числе других был организован заново.

Его история в 20-х и 30-х гг. имела несколько этапов.

На первом этапе своего существования наш Музей местного края был скорее музеем местной природы. Растения и растительные сообщества Новгородчины, звери, птицы, рыбы — насельники его лесов, полей, рек и озер — все это было больше всего нужно преподавателям и ученикам школ. По обогащению музея экспонатами работал его единственный сотрудник — препаратор, хранитель и экскурсовод — маленький седельный старичок Сергей Николаевич Богословский, между прочим, сын известного основателя и собирателя первого новгородского музея в 60-х гг. XIX в. Николая Гавриловича Богословского. Он бесконечно радовался каждому зайцу, дупелю или какому-нибудь крошкунцу, доставленному ему охотниками, немедленно превращая их в чучела и лишь сетуя на недостаток нужных для того препаратов. Яйцами разных пичуг его снабжали сами юные клиенты музея — школьники. Он же занимался с увлечением собиранием гербария и энтомологических коллекций.

На втором этапе существования (в нижнем этаже постепенно передававшегося Губмузею губернаторского дома) Краеведческий музей приобрел уже более широкий характер. На работу в нем была привлечена молодой агроном Е. А. Парменова. Теперь деятельность музея переросла задачу показа местной природы. Про-

мышленность, сельское хозяйство, их история, реконструкция и планы развития стали находить отражение в экспозиции музея, притом не только в фотографическом и диаграммном материале, но и в виде подменных объемных экспонатов <...>

Второй выпуск предпринятого Губмузеем сборника трудов «Материалы и исследования», вышедший в 1931 г., оказалось возможным целиком посвятить краеведческим статьям.⁶

Силами сотрудников и активистов Общества краеведения музей развил широкую просветительную работу. Лекции по общенаучным и специально краеведческим темам таких лекторов из числа преподавателей — членов общества, как И. О. Езупов, в особенности Ал-др Смирнов, собирали большое число слушателей, подчас не умещавшихся в зале, и должны были повторяться.

На третьем этапе, уже в начале 30-х гг., музей вновь переехал в Кремль, где занял помещение в нижнем этаже так называемого Никитинского корпуса на Софийском дворе. В это время он получил большие материальные возможности, что позволило обзавестись лучшим оборудованием, богаче развернуть экспозицию, шире и интереснее представить в ней природу края, организовать сложные и изобретательно построенные биологические группы. Последние были делом большого мастера-препаратора В. А. Арсеньева, работавшего в музее до войны <...>

Душой Краеведческого музея в этот период был замечательный работник и человек Б. К. Мантейфель.

БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ МАНТЕЙФЕЛЬ

В летописях музейного и краеведческого дела в Новгороде это имя не может быть забыто.

Он не был музейщиком по подготовке и по профессии. К музейному делу его привело неодолимое влечение.

В первые годы революции он работал техником Бюро инвентаризации горкомхоза. Работал хорошо, как все, что он делал. Но уже и тогда его душа по-настоящему жила не в канцелярии Горсовета и не около шкафов, наполненных чертежами и планами, а за городом, на подгородних полях и водоемах, где он вел свои наблюдения за природой и погодой, их сезонными и постоянными явлениями.

Краеведение было истинным призванием Бориса Константиновича, его страстью, которой он оставался верен до последних дней.

Жилище Мантейфеля — одноэтажный деревянный домик на тихой Власьевской улице довоенного Новгорода — знали все ок-

⁶ «Материалы и исследования» вышли в двух выпусках. Первый был осуществлен в 1930 г.

рестные жители этой части Софийской стороны. В низких окнах домика внимание прохожих постоянно привлекали какие-нибудь диковины. То дупель или журавль, находившиеся у Бориса Константиновича на излечении, то белка, то еж, а то и свернувшаяся в стеклянной банке живая гадюка. Старушки при виде ее отплеывались, а ребятишки с соседних улиц стояла часами, обмениваясь впечатлениями.

Приезжавшие в Новгород научные работники, услышав фамилию Мантейфель, неизменно интересовались, не родственник ли он того знаменитого зоолога Мантейфеля, профессора, директора Московского зоопарка. Он был его однофамильцем. Зоология (орнитология, а кроме того, еще и энтомология) и ботаника были основательно знакомы Борису Константиновичу. Он, не видя, по песенке узнавал каждую пчугу, без обращения к справочникам определял виды, группы и семейства жуков, без затруднения диктовал научные и бытовые названия трав.

Но подлинной и нежной его любовью была фенология. Давно, с юности начав наблюдения над природой, он путем многолетних систематических наблюдений и записей выявил ее закономерности и отступления от них, сроки сезонных явлений, составил календарь природы в Новгороде, который пополнял и уточнял неуклонно. В течение многих лет Б. К. Мантейфель был неизменным сотрудником новгородской газеты, снабжавшим ее интереснейшими статьями и заметками о местной природе. По их систематичности, точности, квалифицированности они навсегда сохраняют научную ценность.

Верной помощницей Бориса Константиновича в его краеведческих наблюдениях и исследованиях была его жена Мария Павловна. И, как всегда это бывает с людьми открытой, доброй и щедрой души, он всегда был окружен юными помощниками из школьников.

Еще до перехода на службу в музей Б. К. Мантейфель принимал участие в работах музея — в экспедициях, обследованиях памятников культуры, раскопках.

Живо помнится раннее летнее утро, когда мы, несколько членов Краеведческого общества, фотограф и я, сойдя с поезда на станции Мойка, шли лесом по дороге к деревне Осия и дальше к Замошскому озеру, цели нашей экспедиции. На рассвете лес пробуждался и звенел разными птичьими голосами. Увы, мы узнавали из них разве голоса кукушек. Борис Константинович называл нам каждую птицу. Как я жалею, что ни в детстве, ни от него не постиг этой прекрасной науки!

С тем же увлечением, с каким участвовал в краеведческих экспедициях, Борис Константинович принимал участие в археологических работах музея. Некоторые из них, как например тщательно проведенное им обследование остатков каменных башен по наружному городскому валу, оформленные затем в виде статьи в Новгородском историческом сборнике, имели серьезное значение и прочно вошли в науку <...>

Мне снова пришлось близко соприкоснуться с Б. К. Мантейфелем в годы перед Великой Отечественной войной и в дни войны. Он уже несколько лет был одним из основных работников музея, заведующим Отделом местной природы, находившегося в Никитинском корпусе Софийского собора, а я работал в Новгородской секции Института истории Академии наук СССР, помещавшейся рядом.

В первые недели войны создалось очень трудное положение для музея. Директор А. А. Строков был призван на военную службу как политработник запаса, заместитель директора В. А. Богусевич уехал с первым эшеленом вывозимых музейных ценностей. В музее за старшего остался Б. К. Мантейфель. Шла лихорадочная подготовка к эвакуации основных коллекций музея, часть которых предполагалось вывезти из города по железной дороге, другую — наиболее громоздкие предметы — по р. Волхову на баржах.

Работа протекала в невероятно сложных условиях. Не осталось уже ни готовых ящиков, ни упаковочных материалов, и нельзя их было приобрести, так как у музея не было средств. Город был уже отрезан от Москвы и Ленинграда, финансирование музея было прекращено: банк и большинство учреждений были закрыты. Фронт приблизился к городу и стоял в 40—45 км на р. Шелони у Шимска. Город ежедневно по многу раз подвергался бомбежкам. При каждом налете вражеской авиации наши зенитки, размещенные в Кремле и на Торговой площади, защищавшие мост через Волхов, поднимали неистовый «лай».

Каждый рабочий день начинался в музее с того, что Б. К. Мантейфель шел в горсовет, где находилась тройка по эвакуации. Человек не склонный да, пожалуй, и не способный к администрированию, он крайне волновался очередными заданиями и почти полным отсутствием возможностей их исполнения. Маскировать золотой купол Софии... Построить деревянный футляр над памятником Тысячелетие России и заполнить его песком... Снимать и грузить софийские колокола.

Несмотря на явную, казалось бы, невыполнимость заданий, они все же как-то выполнялись. Удалось достать защитную ткань и зачехлить золотой софийский купол. Не хватало ящиков — на том же утреннем совещании в тройке заведующий тарной базой предложил:

— Да берите у меня на складе бочки. Только они без крышек и пахнут треской...

Словом, последний эшелон для отправки железнодорожным путем был подготовлен. Это был действительно последний эшелон, ушедший из Новгорода. Грузили ящики и бочки в вагоны ночью, в поле за городом, с помощью военных <...>

«Командование» эшеленом было поручено нам с Борисом Константиновичем. Кроме нас, в вагонах помещались несколько музейных сотрудниц с семьями. В дорогу было выдано оружие и продовольствие — хлеб и конфеты.

И в вагоне, устроившись между ящиками, Борис Константинович все еще долго не мог прийти в себя после напряжения последних дней и ночей. Все его мысли оставались в Новгороде, куда мы наивно думали возвратиться, доставив груз по назначению. Возвратиться не удалось. В день нашего прибытия в Киров мы услышали на вокзале по радио о том, что Новгород оставлен нашими войсками <...>

Войну, до призыва в тыловые войска, Б. К. Мантейфель провел в Кирове в очень тяжелых условиях. Демобилизовавшись, он снова оказался в Новгороде, на своем посту верного служителя новгородской природы и памятников культуры, столь пострадавших от оккупантов. Там же он провел последние годы жизни, к сожалению, не найдя должного контакта с новой администрацией музея, теперь, когда, казалось бы, его опыт, знания, преданность делу были особенно нужны.

Военные трудности и послевоенные расстройтва окончательно подорвали его и без того слабое здоровье. Сердечная болезнь лишь редко и с трудом позволяла ему добираться до рощи Петровского кладбища — многолетнего любимого места фенологических и иных наблюдений. Все его помыслы были сосредоточены на вопросах восстановления музея и памятников города.

В 1957 г. друзья и знакомые проводили Бориса Константиновича Мантейфеля в последний путь на Петровское кладбище.

УЧЕТ И РЕГИСТРАЦИЯ

Вторую половину длинной фразы, которой расшифровывалось короткое слово «Губмузей», после слов «управление по делам музеев» продолжали слова «учета, регистрации, охраны и реставрации памятников старины и искусства». Понятно, что в основе дела охраны памятников должны были лежать их выяснение и учет. Советское время их не унаследовало от дореволюционного периода, тогда и не существовало государственного органа, который бы ими занимался <...>

Тем не менее в части учета церковных древностей в Новгороде было от чего оттолкнуться. Имелся классический двухтомный труд архимандрита Макария (Миролюбова) «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях», вышедший еще в начале 60-х гг. XIX в. По этому учету новгородской старины, во-первых, ко времени революции было уже более полувека, и, во-вторых, специалисты знали, что сведения Макария местами уже расходятся с натурой. Так, молодому ученому В. К. Мясоводу, занимавшемуся новгородскими древностями и в 1913 г. писавшему работу об одном каменном образе XII в. из Никитинской церкви, пришлось установить, что из 16 древних так называемых панагий, зарегистрированных Макарием в этой церкви, осталось только 9. Таким образом, к началу XX в. успела исчезнуть почти половина.

Как в XIX в. тихо и безнаказанно происходили иногда не-

вообразимые утраты исторического наследия, можно видеть из потрясающего рассказа известного знатока и собирателя новгородских древностей В. С. Передольского.

Однажды он собрался провести своего приятеля и дальнего родственника иеромонаха Юрьева монастыря Сыся. Этого Сыся, заведовавшего в монастыре кладовыми со всякой старой рухлядью и бумагами, обычно радушного и веселого, автор застал на этот раз крайне расстроенным. На расспросы о причинах расстройства тот после долгого молчания признался, что ему много хлопот доставил полученный приказ о разборе и описи кладовых.

— Наверное, там много интересной старины?

— Поди расспроси о том волховских сивов. . .

Чтобы не трудиться над выполнением свалившейся на плечи обузы, монах связал «старинный хлам» в тюки и побросал в Волхов. Рассказывая об этом приятелю, он только пожалел, что не догадался поступить так, как сделали в Аптониеве монастыре, где такое имущество просто сожгли.

В послереволюционное время такие случаи были невозможны. Государство отдало заслуживающую сохранения старины под контроль специальных органов. Но для этого пришлось сразу же учесть все наличие предметов, имеющих музейное значение и подлежащих особой охране, по церквам и монастырям: древних икон, шитья, металлических, деревянных и иных памятников старины. Пока церкви действовали, учтенный в них «музейный» инвентарь сдавался по этим спискам админотделами под особую ответственность принимавшим церкви «двадцаткам» верующих. В случае закрытия церкви по тем же спискам он передавался Губмузею. Между прочим, списки сослужили хорошую службу и при изъятии церковных ценностей в фонд «Помощь голодающим», когда подчас невозможно было обеспечить непосредственного участия сотрудников Губмузея во всех одновременно работавших комиссиях.

В области учета церковных древностей предмет, если можно так сказать, особой гордости Губмузея составил проведенный им специальный учет колоколов по всем церквам и монастырям города Новгорода и уезда. Технически трудное дело могло быть осуществлено благодаря счастливым обстоятельствам. Им в течение нескольких лет увлеченно занимался А. И. Семенов, краевед-историк, бывший ученик средней школы, потом студент университета, потом научный сотрудник музея, ныне крупный знаток Новгорода, автор ряда печатных работ. Он переписал все без исключения колокола, списал все надписи на них, зарисовал изображения и орнаменты, обмерил колокола, вычислил их вес, если он не был указан на самом предмете. Регистрация колоколов составила большой том. Собранный в нем редкий и неповторимый материал имел бесспорное научное значение и послужил для некоторых специальных работ А. И. Семёнова и других авторов. Можно, пожалуй, быть уверенным в том, что подобного учета

не было нигде в другом месте. Кстати, он также хорошо послужил во время снятия колоколов для нужд индустриализации страны, когда заранее определялись экземпляры, не подлежащие снятию на переливку.

Учет гражданских памятников по губернии даже в самом Новгороде был сложнее.

Ряд старых русских провинциальных городов — Ярославль, Кострома, Вологда и другие — в предреволюционное время, в пору увлечения отечественной стариной, в посвященных ей журналах, как «Старые годы», и в специальных изящно изданных книжках, получил описание художественного наследия, оставленного в них XVIII и XIX вв. Новгород такого описания не имел. Между тем, конечно, и в губернском городе и по уездам, кроме прославленных древностей, имелось немало интересного по части художественно-культурных памятников двух столетий. Их предстояло выявить путем личного обследования.

Так, в городе были взяты на учет и под охрану типичные и хорошо сохранившиеся здания XVII—начала XIX в., как маленький перл — кордегардия Петербургской заставы, вахля на Сенной площади, кладовые Гостиного двора с аркатурой, тянущейся по берегу Волхова, штаб дивизии — бывший путевой дворец, дом с колоннадой на углу Дворцовой улицы и Предтеченского переулкa, здание фундаментальной библиотеки бывшей духовной семинарии в Антониевом монастыре, дом графини Орловой близ Юрьева монастыря и другие.

В некоторых из перечисленных и в ряде других внешне не примечательных домах были обнаружены, впервые описаны, сфотографированы и взяты под охрану детали внутреннего убранства. К ним, в частности, относились никому ранее не известные, иногда и никогда не упоминавшиеся кафельные скульптурные печи. Они были выявлены не в одном и не в двух, а в десятке старых домов города. В одних, как например в названном путевом дворце или в доме Масловского на Московской улице, это были печи XVIII в. с колонками, вазами и прочими декоративными элементами, в других — печи начала XIX в., с крупными скульптурными фигурами воинов, богинь и граций в классических одеждах, с мечами, копьями, венками в руках.

Заслуживавшие фиксации и охраны гражданские памятники по губернии предстояло также выявить личным осмотром <...>

В числе интересных гражданских памятников губернии, кроме усадеб, были зарегистрированы так называемые путевые дворцы, существовавшие до постройки железных дорог для остановок высочайших особ при их путешествиях по империи, особенно между Петербургом и Москвой, после того использованные под разное назначение. Такие дворцы имелись в Померанье, Новгороде, Яжелбицах, Коростыни. Лучшими в архитектурном отношении были новгородский и коростынский — в утопающем в вишневых садах селе Коростынь, на высоком берегу озера Ильмень по дороге из Новгорода на Старую Руссу.

Приняты были на учет и под охрану мемориальные памятники: дом писателя Ф. М. Достоевского в Старой Руссе, поэта Н. А. Некрасова в деревне Чудовская Лука, где жив еще был егерь, ходивший с поэтом на охоту, дом писателя Г. И. Успенского в деревне Сябренецы, некоторые дома, связанные с работой подпольных революционных организаций в самом Новгороде.

Может быть, среди учтенных и зафиксированных Губмузеем гражданских памятников по губернии заслуживают упоминания еще сохранившиеся кое-где чугунные решетки мостов. В годы реконструкции государственных шоссе в начале XIX в. они, эти «решетки для больших мостов» и «решетки для малых мостов», проектировались крупными мастерами — Демерцевым, Семеновым, Стасовым, отлиты из чугуна и установлены, казалось бы, с прочностью, рассчитанной на века, с массивными грапитными столбами. Однако никакой «запас прочности» не мог спасти их от разрушения. Население деревень, расположенных по шоссе, пашло оригинальное применение массивным чугунным решеткам: разбитые на небольшие куски, они использовались для так называемых каменок — печей в деревенских курных банях и для нагревания щелока при бученье белья. Лучшие образцы решеток в первые годы революции сохранялись на мосту через Малый Волховец близ Новгорода и на мосту через Витку в деревне того же названия (решетка с орлами на пересекающихся кругах, сходная с решеткой на мосту у Петропавловской крепости в Ленинграде).

Надо сказать, что охрана такого рода памятников, равно как и памятников археологии (курганов, сопок, городищ), несмотря на рассылаемые письма, была мало надежна. Оставалось популяризировать их посредством докладов на всякого рода съездах, на публичных заседаниях краеведческих обществ и статей в губернской газете «Звезда», редактор которой Н. С. Ермеев всегда охотно уделял им место.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА В НОВГОРОДЕ

Мировую ценность Новгорода составляли, как они составляют и теперь, памятники древнего искусства.

София, Нередица, Никола на Липне, Успение в Волотове, Спас в Ковалево, Федор Стратилат уже до революции имели широкую, отчасти европейскую известность. Вскоре к ним присоединились по открытым в них древним фресковым росписям собор Антониева монастыря, Аркажа, Городище, Спас на Ильине, Рождество на кладбище. Естественно, что с вопросами их охраны Губмузею пришлось иметь дело с первых же шагов его работы.

Положение дела в то время значительно отличалось от того, какое существует теперь. Все перечисленные памятники и ряд

других, неперечисленных составляют сейчас единый комплекс «города-музея», историко-художественного заповедника. Все одинаково состоят в полном ведении музейного управления, в смысле технического состояния — под наблюдением специальных ремонтно-реставрационных мастерских. Тогда картина была сложнее. Большинство древних церквей и соборов было еще действующим, в них совершалось богослужение, и они находились в юридическом пользовании «двадцаток верующих». Другие уже были закрыты и с самого начала полностью вошли в ведение Губмузея. Никто их официально не «закрывал», просто из-за обилия молитвенных зданий уже до революции и в особенности сразу после нее, с отделением церкви от государства, па них не достало приходов, вовсе прекратились изредка совершавшиеся в них богослужения, и они посещались лишь «археологами» и туристами. К числу таких принадлежали Нередица, Никола Липный, Федор Стратилат, Петр и Павел в Кожевниках, Рождество на кладбище, Иван Богослов.

С древними церквями, как закрытыми, так и некоторыми действующими, я уже был знаком. Темой моей дипломной или, как они тогда назывались, кандидатской работы были стеновые росписи древнего Новгорода. В последний перед революцией год в жаркие летние и золотые осенние дни многие часы пришлось провести под сводами Нередицы, Николы Липного, Волотова, Ковалева в изучении их фресок.

Тогда же я постиг разницу «действующих» и «закрытых» церквей. Пустые интерьеры последних, стены, освобожденные от наслоений церковного культа XIX—XX вв., до оскорбительности чуждого искусству, без металлических «риз» на иконах, бумажных венков, полотенец, до чего же глубже и впечатлительнее позволяли воспринять архитектуру и живопись древних мастеров.

И тогда же, в дни студенческих занятий, довелось узнать нескольких интересных и своеобразных русских людей, много лет живших при древних памятниках в качестве их «кустодов». С некоторыми из них пришлось иметь дело после революции в роли уже музейного «начальства». Хочется рассказать о них. Наверное, немного уже осталось тех, кому довелось посещать новгородские памятники или работать в них в 20-х гг.

При Волоатовской церкви, приютившейся в гуще дерев в 3—4 км от города и в полукилометре от московского шоссе, сохранившейся до 1941 г. в непостижимой целостности одну из очаровательнейших стеновых росписей Новгородского треченто, доживал свой век старый-престарый священник. Имени и фамилии его не помню. Очевидно, за неимением других дел и развлечений, этот «ветхий денми» рад был каждому посетителю его древнего храма, хлопотливо гремел ключами, открывая его, бегал домой, приносил книгу о Волоатовской церкви академика Сулова, полученную еще от автора, рассказывал, какая замечательная эта церковь, как работали в ней академик Василий Васильевич и после него моло-

дой ученый Мацулевич. Фамилию его батюшка произносил почему-то через э <...>

Самую интересную фигуру среди сторожей памятников представлял бессменный в течение нескольких десятков лет хранитель Нередицы Василий Федорович Антонов.

— Настоящая-то моя фамилия Габров, — любил он говорить, — но так уж пошло, что стал писаться Антоновым.

Он работал еще при большом ремонте Нередицы с академиком Покрышкиным в 1904 г., что составляло его постоянную гордость, и он последним покинул вверенный его попечению знаменитый памятник в 1941 г., когда тот рушился под фашистскими минами, забрасываемыми с противоположного берега Волхова.

Василий Федорович жил с семьей тут же, на Нередицком холме, чуть пониже церкви, между пею и старой ветлой на берегу речки Спасовки, постоянного места пристанища лодок и катеров.

Предан он был своему памятнику до самозабвения, конечно, во многом больше, чем собственному крестьянскому хозяйству.

Он не имел никакого образования, кроме начальной школы, но усердный читатель книг и постоянный собеседник многих высококультурных людей, он мог и любил поразить случайного посетителя Нередицы рассуждениями о колорите, о перспективе живописи XII в. (знакомые прощали ему «персекутиву»). В письме ко мне во время войны, из эвакуации, описывая последние дни Нередицы и города, он сравнивал вид горящего Новгорода с Троей.

Он не был навязчив, обычно, открыв церковь, скромно держался позади экскурсионной группы, слушая пояснения руководителя. Но если представлялся удобный случай, охотно высказывал свое мнение по поводу отдельных вопросов, касающихся его Нередицы.

— Профессор Покровский говорил, что Нередицу расписывали два лета. Но этого не могло быть...

— Дмитриев пишет, что на ктиторской фреске изображен Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. Но это ерунда. Здесь портрет строителя Нередицы Ярослава Владимировича...

Во всем, что он говорил степенно, своим грассирующим выговором, Василий Федорович был твердо уверен и готов был отстаивать свое мнение.

Случилось так, что Василий Федорович был последним, кого я видел, оставляя Новгород в августе 1941 г. В тот вечер он почему-то пришел из Нередицы в Новгород и оставался с нами до глубокой ночи, участвовал в погрузке ящиков с эвакуируемыми музейными предметами на машины в Кремле. Перед отбытием последней машины мы с ним обнялись и расцеловались. Я тогда не думал, что это будет последняя встреча с нашим старым сотрудником.

Среди всяких иных была в губернии категория памятников, едва ли не более других требовавшая принятия мер к их сохранению — это собственно археологические древности: первобытные стоянки человека, городища, курганы. Эти памятники часто и иногда очень быстро разрушаются, вернее, их разрушают вследствие разных причин — по незнанию о их значении для науки, а еще более по равнодушию к их судьбе.

Откровенно говоря, никакие меры по их охране не могли считаться действительными. Сторожей к этим памятникам не приставишь, ответственности за них местные власти — сельсовет или правление колхоза — не несут. Сами беседы о таких памятниках подчас имеют оборотную сторону: разжигают у одиночек нездоровый интерес к ним и ведут к попыткам самостоятельных раскопок.

Первоначальный учет археологических памятников по губернии имелся. Обществом любителей древности была напечатана книжка И. Г. Романцева «Курганы, городища и жалынки Новгородской губернии». Как и подобная ей книжка И. В. Аничкова «Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии», она была составлена заочно, на основе анкетных данных, собранных Предварительным комитетом XV Археологического съезда, и не могла претендовать на полноту и точность.

При первых же поездках сотрудников Губмузея по губернии реестр Романцева стал пополняться сведениями о не вошедших в него памятниках. Другим источником его пополнения были сведения от корреспондентов Губмузея с мест, какими являлись главным образом сельские учителя, избачи, комсомольцы. На всех учительских и политпросветских съездах и конференциях Губмузей неизменно выступал с докладами об охране памятников. Приток писем особенно увеличился с организацией Краеведческого общества и рассылкой составленных им печатных обращений и инструкций.

Как особо интересные надо отметить материалы о камнях со знаками, рисунками или надписями на них. Сведений об этом рода памятниках крайне мало в литературе, и, как правило, они петочны. Некоторые из сообщенных корреспондентами сведений при проверке отпали, как основанные на недоразумении. Иные не могли быть проверены на месте по натуре, точно зарисованы или сфотографированы. Позднее мне довелось опубликовать заметку о собранных сведениях в 7-м выпуске «Новгородского исторического сборника», вышедшем в 1940 г.

Тщательно следил Губмузей за находками так называемых кладов и, кажется, ни одной из них не упустил. Вещевых кладов не было зарегистрировано. Из монетных наиболее интересными были клады арабских диргемов, найденные на территории губернии в 1923 и 1924 гг. и поступившие в музей.

Кажется, в музей попало подавляющее большинство таких

интересных и важных в научном отношении находок по городу и его окрестностям, как свинцовые вислые печати. Главным местом их находок было село Городище близ Новгорода, где ни один сезон не проходил без новых находок. К сожалению, конкурентами Губмузея по их приобретению были некоторые частные коллекционеры, в чьи руки попала часть найденных печатей. Все же весьма незначительное собрание печатей Новгородского исторического музея, насчитывавшее всего 6 экз., было увеличено Губмузеем до полутора сот. Нашим постоянным консультантом по вислым печатям был крупнейший и едва ли не единственный знаток их в то время академик Н. П. Лихачев, которому мы регулярно посылали фотографии новых находок.

Необходимость проверки корреспондентских сведений и непосредственное обследование археологических памятников всегда были ясны Губмузею. В этих целях, помимо попутных осмотров во время разных поездок, неоднократно организовывались специальные археологические экспедиции разведочного характера. Они обычно направлялись по главному рекам Ильменского бассейна (Ловати, Поле и др.) на лодках, захватывая близлежащие местности по обоим берегам. Участниками экспедиций были юные члены Общества краеведения, постоянным руководителем — заведующий Историческим музеем С. М. Смирнов. Разведки сопровождалась, кроме регистрации и описаний памятников, шурфованием, зачисткой обнажений, собиранием случайных находок у окрестного населения.

Для проведения собственно раскопок у Губмузея не было достаточных сил. В сущности, только раз Управление музеев брало открытый лист на производство небольших раскопок в самом городе, на Софийской стороне, на участке древней Холопней улицы.

Но уже в конце 20-х гг. Новгород стал местом постоянной работы Археологической экспедиции Академии наук, работавшей в тесном содружестве с местным музеем. Руководитель экспедиции проф. А. В. Арциховский неизменно выступал с докладами о ходе работ в Губмузее и местных научных обществах.

Успешно развивавшаяся в течение нескольких сезонов раскопная деятельность экспедиции была прервана войной и оккупацией города. Впечатления от причиненных ими разрушений и осквернений города по его освобождению были столь тяжелы и невыносимы, что А. В. Арциховский в письме к автору воспоминаний выражал сомнение, найдет ли он когда-либо в себе силы продолжать работу в Новгороде. Однако первая острая горечь потом притупилась, работы Новгородской экспедиции АН СССР позднее возобновились и именно в послевоенные годы приобрели невиданные до того масштабы. Археологи получили возможность раскапывать огромные опустошенные войной участки города, и эти раскопки ознаменовались небывалым успехом, самым сенсационным из которых было получившее мировую славу открытие берестяных грамот <...>

Два новгородских научных общества, существовавших до революции, имели после нее разную судьбу.

На открытии в 1912 г. Церковно-археологического общества его инициатор и учредитель архиепископ Арсений изрек: из опыта своей жизни я знаю, что всякое дело двигают не люди, а человек. Далекий от понимания истинных общественных основ жизни, в своем роде умный и деятельный, но плоть от плоти воспитавших его бюрократического строя и идеологии, на этот раз владыка был прав. Как только после революции он оказался в новом положении, утратил свои неограниченные привилегии да, по правде говоря, и стимулы к научно-организационной деятельности, созданное им Церковно-археологическое общество тихо и незаметно, без всякого вмешательства извне, тотчас же прекратило существование.

Иной была судьба Общества любителей древности. Оно просуществовало после революции еще более десяти лет, столько же, и даже больше, чем до нее. И нельзя сказать, что это было искусственно поддерживаемое, механическое, полуживое существование по инерции.

Общество никогда не было массовым. Собственно говоря, оно не стало таким и в послереволюционные годы, но все же значительно увеличилось и изменилось по составу. Было бы правильным охарактеризовать общее направление этого изменения как в некотором роде демократизацию и омоложение общества.

Основной костяк его до того составляли солидные, в большинстве немолодые, представители городского чиновничества, притом принадлежавшие к высшим его кругам. Людьми молодым не был вовсе закрыт доступ в общество, но их насчитывалось немного и предпочтительно по категории членов-корреспондентов.

Относительные демократизация и омоложение общества произошли стихийно и отнюдь не могли быть отнесены к сознательной линии и заслугам старого руководства общества. Просто иные из коренных его старых членов естественно повыбывали: умерли, или уехали из города, или утратили в новых условиях связь с обществом из-за отсутствия подлинного интереса к его деятельности. На смену им пришли другие люди: молодые преподаватели школ, работники культурно-просветительных и иных учреждений, студенты.

Руководителями общества, его председателем и секретарем, первое время оставались те же М. В. Муравьев и И. В. Апицков <...> Муравьев с образованием так называемого Губархива, т. е. Архивного управления, был назначен Губисполкомом его заведующим. Связи Муравьева с Обществом любителей древности постепенно ослабевали. То ли он утратил интерес к работе в обществе, то ли не находил контактов с его изменившимся составом. Да и жил он большую часть времени вне города, в родовой усадьбе Малые Терехони, поглощенный ее интересами и лишь

наезжая оттуда в город. Больше интереса к делам общества проявлял сменивший его на некоторое время в роли председателя Аничков, чувствовавший себя ближе к новому составу и активу общества. Несмотря на свой почтенный возраст и истинно дворянскую дородность, он с видимым удовольствием и даже увлечением принимал участие вместе с шумливыми молодыми новыми членами общества в экскурсиях в Псков, в Старую Ладугу или вокруг озера Ильмень на служебном волховстроевском пароходе, переносил вместе с молодежью неудобства езды, ночевки, питания и проч.

Преемниками многолетних руководителей общества Муравьева и Аничкова были на посту председателя короткое время Е. В. Скородумов и затем А. И. Капгер, а на посту секретаря — С. М. Смирнов и А. И. Семенов.

Один из видных работников Губсовнархоза, хотя и человек с гуманитарным образованием, Е. В. Скородумов, занятый более своими служебными делами, не проявил себя ничем в качестве председателя Исторического общества. Гораздо более попечительным и деятельным председателем оказался А. И. Капгер, человек значительно более пожилой и, казалось бы, далекий от исторической науки по образованию и службе — лесничий.

А. И. Капгер состоял и ранее членом Общества любителей древности, но незаметно и лишь посещавшим его собрания. Избрание его председателем было истинной удачей общества. В его облике и характере не было ничего похожего на видимую скромность и плохо скрываемое сознание своей значительности Муравьева, ни на внешнюю деловитость, соединенную с детским простодушием, Аничкова. Всегда спокойный, непоказной, с медленной походкой, может быть, оттого, что был сильно близорук, несколько косил и носил очки, с медлительной речью, А. И. Капгер был воплощением аккуратности, методичности, добросовестнейшего отношения к раз принятым на себя обязанностям.

Общество не располагало своим особым помещением. Канцелярскую сторону председатель вел с секретарем у себя на дому. Во всем прочем базой для Исторического общества, так же как и для возникшего затем Краеведческого, был Губмузей.

Не проходило дня, чтобы не раздался знакомый тихий стук в дверь и вслед за ним в маленькой комнате Губмузея в бывшем губернаторском доме не появлялась высокая фигура неизменно тихого и деликатного Капгера. Сюда он приходил за новостями музейной и научной жизни, приносил на совет очередные дела и мероприятия общества, здесь обычно планировал очередные заседания, встречался с приезжими научными работниками. Связь с последними имела немалое значение для общества. Не было почти почти случая, чтобы во время своих приездов в Новгород историки Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, искусствоведы А. И. Анисимов, Н. П. Сычев и другие не выступили бы в обществе, заседания которого большей частью происходили тут же, в библиотеке Губмузея.

Под руководством А. И. Капгера как-то незаметно вошли в колею и приобрели устойчивый, налаженный характер все стороны жизни общества, несколько запущенные Муравьевым. Возобновились и получили регулярный характер заседания правления, существовавшего ранее номинально. Столь же регулярно стали назначаться общие собрания, никогда не испытывавшие недостатка ни в материале, ни в докладчиках, ни в участниках. При всех издательских трудностях было налажено печатание ежегодных отчетов общества, с кратким изложением чтений на заседаниях докладов, и был выпущен очередной, 9-й выпуск трудов («сборник») общества, не выходявших с 1919 г.

Историческому обществу в Новгороде, как говорится, сам бог велел быть. Однако здесь, как и везде, историческим прошлым не могло ограничиваться стремление к познанию своего края. История — только часть широкого понятия «краеведение».

Недаром уже старые местные исследователи и знатоки края, вроде Н. Г. Богословского, в круг своих интересов включали и местную природу, и ее богатства, и местные промыслы, и экономику, и быт. В советское время необходимость такого широкого, всестороннего познания своего края должна была сказаться во сто крат сильнее. Советские годы повсеместно стали годами широчайшего развития краеведческого движения. В Новгороде в 1922 г. параллельно с историческим было учреждено Общество изучения местного края.

В новое общество тотчас же вошло много членов, главным образом из учительской среды, а также и из сотрудников советских учреждений, специалистов в разных областях — статистиков, экономистов, агрономов и проч.

Активными деятелями нового общества стали энергичные молодые люди: братья Александр Васильевич и Алексей Васильевич Смирновы, первый — директор средней школы имени Октябрьской революции, второй — видный сотрудник Губплана, преподаватель естествознания Иван Осипович Езупов, Борис Константинович Мантейфель, еще тогда, до поступления на работу в музей, проводивший широкие фенологические наблюдения, в которые он вовлек большую группу ребят-школьников.

Заседания и публичные лекции, устраиваемые обществом, неизменно бывали весьма многолюдными. Популяризаторская работа вообще сразу же определилась в качестве основной линии работы общества.

Вместе с тем правлением общества были разработаны, напечатаны и разсланы по уездам инструкции и методические письма по исследовательской работе.

Члены общества, особенно молодежь, принимали участие в экспедициях Краеведческого музея, который в это время как раз стал набирать силу <...>

Новгород всегда привлекал к себе внимание художников. Не будем углубляться во времена Герберштейна, Корба и иных допетровских путешественников, купцов и дипломатов, чей путь в Москву пролегал через Новгород и кто оставил зарисовки его вида. В середине прошлого, XIX в. много труда на изображение новгородских древностей положил Н. И. Мартынов. За его тщательные документальные рисунки многочисленных памятников города, как сохранившихся, так особенно не доживших до нашего времени, ему должны быть вечно благодарны исследователи древнего Новгорода.

Если вспомнить художников прошлого и начала нынешнего столетия, интересовавшихся Новгородом и его историей, можно назвать немало имен. Тому, кто захотел бы или кому довелось бы по какой-либо причине перелистать старые иллюстрированные журналы, непременно встретились бы воспроизведения картин и рисунков на темы из истории древнего Новгорода: новгородское вече, новгородские ушкуйники, Марфа-посадница, увоз вечового колокола и т. п. Вспоминаю эти старые еженедельники «для семейного чтения» — тонколистый «Сын отечества», печатавшийся почему-то на розовой бумаге «Луч», более поздние — «Ниву» и «Родину», их время от времени доставал нам, ребятам, из книжного шкафа отец, и в них каждый рисунок был многократно пересмотрен нами еще прежде, чем мы научились читать.

Очевидно, художников, случайно обращавшихся к темам истории или сделавших из них свою специальность, древний Новгород и эпизоды его истории влекли к себе так же, как и поэтов и романистов XIX в. Но сами эти художники — Каразин, Кившенко, Дмитриев-Оренбургский, Клавдий Лебедев и другие — новгородцами не являлись и, по-видимому, даже никогда в Новгороде не бывали.

В начале XX в., с пробуждением в обществе интереса к национальной старине, в журналах и на выставках еще чаще стал появляться Новгород и его памятники в работах таких посвятивших свое творчество Древней Руси мастеров, как Переплетчиков, Рябушкин, Рерих. Их, эти работы, уже невозможно было делать, не видев самих памятников и не побывав в Новгороде.

А. П. Рябушкин не только часто касался в своих художественных работах и замыслах Новгорода и бывал в нем, но и сам отчасти был новгородцем. Он подолгу жил в нем, кажется, даже имел домик в селе Пельгора, недалеко от Любани — район, который в то время входил в состав Новгородской губернии и уезда.

Н. К. Рерих не был новгородцем, но имел с Новгородом еще более тесные связи и отношения не только творческие, но и практические, по своим раскопкам в Новгородской губернии — на озере Пирос и в самом Новгороде. Да было бы странно, если бы такие живописцы-«древники» (не очень удачное слово, вошедшее, однако, теперь в употребление), как оба названных худож-

ника, не бывали бы в Новгороде и не вживались бы в его старину.

Неожиданное было обращение к ней Александра Маковского, последнего представителя этой знаменитой в русском искусстве фамилии. Он никогда особенно не интересовался и не занимался древностью, но, кажется в 1911 г., предпринял поездку в древние северные монастыри и города, в том числе Новгород, и написал ряд небезытересных этюдов.

Примерно в те же годы в Новгороде неоднократно бывал, а в период проходившего в нем в 1911 г. XV Всероссийского археологического съезда даже устраивал выставку своих работ (совместно с художником Псковитиновым) известный петербургский график, крупный офортист А. В. Манганари. Мне не пришлось знать его лично, но на его выставке, в железнодорожной школе на старой Легощей улице, я был, тогда еще учеником средней школы. Запомнился впечатляющий облик художника — маленького, черного, заросшего буйными волосами и бородой и, если не ошибаюсь, хромого. Его мастерские, сделанные в строгой манере офорты выгодно отличались от составивших большую часть выставки размашистых, довольно сырых этюдов маслом Псковитинова, хотя последние и привлекали едва ли не большее внимание зрителей. Особенно великолепен был занимавший центральное место на выставке большой лист Манганари «Великий Новгород».

После революции художественная жизнь в Новгороде заметно оживилась. Выставки картин и рисунков перестали быть редкостью. Наряду с местными художниками в них принимали участие художники, архитекторы из Ленинграда, в большом количестве работавшие в те годы в Новгороде: Н. П. Сычев, А. И. Кудрявцев, М. В. Фармаковский, Власов, В. Н. Талепоровский, а также художественная молодежь, занятая на широких работах по копированию фресок и обмерам памятников древнего зодчества: Е. К. Эвенбах, Н. И. Толмачевская, З. И. Крылова.

Хорошо памятно время, когда почти одновременно обратился к Новгороду в своем творчестве ряд крупнейших мастеров разных видов советского искусства. Увлечение темами, связанными с обвороной родины от иноземных захватчиков, в частности на рубежах древнего Новгорода, и его людьми, привело в кино, музыке, живописи к созданию всем известных произведений Эйзенштейна, Прокофьева, Корина, посвященных Александру Невскому и его сподвижникам.

Но еще ранее того, в 20-х гг., Новгород глубоко вошел в творчество нескольких лучших советских мастеров живописи. Сюда приезжали и иногда подолгу здесь жили и работали К. С. Петров-Водкин, С. В. Герасимов, Н. М. Чернышев, П. П. Кончаловский. Их обращение к Новгороду было, очевидно, вызвано не просто широко распространившимся в те годы общекультурным интересом к памятникам древнего города (какие же С. В. Герасимов или П. П. Кончаловский «археологи»!), но гораздо более глубо-

ким и пристальным вниманием к жизни, людям, природе, ко всей среде одной из исконных областей Русской земли. Новгородские впечатления обогатили советское искусство многими прекрасными произведениями, которые были именно здесь исполнены или задуманы названными художниками.

Вполне к тому времени сложившиеся творческие основы искусства Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина закономерно должны были привести его в Новгород. Именно здесь он мог найти нужную ему атмосферу, углубиться в творческий мир великих древних мастеров монументальной и станковой живописи не по музейным только экспонатам, но по их произведениям, так сказать, «па корню», на той почве, которая их породила. В Новгороде этих произведений было не одно и не два — десятки и сотни, кипела широкая реставрационная работа, открывавшая новые и новые памятники мирового класса, фрески и иконы, был, наконец, богатый художественный музей, в то время впервые широко и импозантно развернувший экспозицию древнего искусства.

В Новгороде в те годы жили несколько учеников Петрова-Водкина по Академии художеств, в том числе один из наиболее близких ему — Л. Т. Чупятов. В сопровождении их или кого-нибудь из музейщиков, иногда профессора Н. П. Сычева, а иногда и один, всегда сосредоточенный и самоуглубленный, худощавый, стриженный, популярный в то время мастер целыми днями ходил по городу и его окрестностям, проводя часы перед фресками Нередицы, Волотова, Ковалева, Федора Стратилата, часто забывая или не находя времени пообедать.

Лекция художника в большом концертном зале в Кремле, где теперь театр, на близкую художнику тему о теоретических основах искусства собрала огромную аудиторию. Никогда в последующие годы жизни замечательный мастер, философ и патриот, автор «Купанья красного коня», «Тревоги», «Смерти комиссара», не пользовался таким признанием <...>

Во второй половине 20-х гг. неоднократно, то отдельно, то вместе, приезжали летом работать в Новгороде художники-москвичи Н. М. Чернышев, М. А. Добров и С. В. Герасимов.

С гостиницами тогда было туго. Да они в них и не стремились, находя гораздо более удобной для себя обстановку в какой-либо из пустующих летом городских школ, куда их устраивал Губмузей.

Что влекло в Новгород Николая Михайловича Чернышева, понятно. Художник лирических пейзажей и картин, наполненных трепетной поэзией юности, он вместе с тем тонкий знаток и видный специалист по древнерусскому искусству, автор посвященных ему статей и книг, руководитель мастерской монументальной живописи в Высшей художественной школе.

Удивительные пути привели в Новгород Сергея Васильевича Герасимова, будущего автора картин «Колхозный праздник», «Клятва партизан», «Мать партизана» и многих других реалистических картин и превосходных пейзажей, вошедших в лучший

фонд советского искусства. Он сам не считал себя «пейзажистом» и не любил, когда его так называли, но был награжден редким, тончайшим чувством красоты родной природы и умением передавать ее очарование <...>

Древняя новгородская земля, ее природа, ее люди, видимо, затрагивали какие-то глубокие струны в душе художника, учили его уважению и любви к своему народу, его душевной силе, созданной им культуре, укрепляли чувство и понимание простой русской природы. Здесь родилась его широко известная картина «Рыбаки на Волхове».

С самого раннего утра и до позднего вечера, если позволяла погода, художники пропадали где-нибудь «на натуре» — на Ковалевском или Нередичком холмах, на Липенских поймах Ильменя, в Городище, Сквородке или Юрьеве, а то на берегах Волхова и на базаре в самом городе. Днем их можно было встретить разве что случайно. Только под вечер или в ненастные дни в просторных классах своего обиталища они раскрывали папки и этюдники, устраивали смотры продукции, раскладывая на полу этюды и рисунки и обмениваясь мыслями <...>

ПРИЕЗД А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

<...> В Новгород А. В. Луначарский приезжал летом 1926 г. Здесь у него были, конечно, и иные дела, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что одной из главных целей его приезда было желание непосредственно ознакомиться с прославленным историческим городом и его памятниками. Об этой стороне его визита я и вспоминаю. Эти воспоминания свидетеля, может быть, добавят несколько штрихов к многогранному облику замечательного человека <...>

Вскоре же по прибытии наркома просвещения в Новгород я был вызван в Губисполком, где председатель его тов. Морозов представил меня ему и сообщил, что вот товарищ нарком желает познакомиться с нашими музеями и памятниками древности и мне предстоит их ему показать. Для сухопутных поездок был предоставлен автомобиль, для водных — катер. В некоторых поездках нашим спутником был и сам Морозов.

В тот же день А. В. Луначарский начал ознакомление с городом с Софийского собора. Внимательно, часто останавливаясь и спрашивая пояснения, снаружи и внутри он смотрел архитектуру собора, его древнюю и новую живопись, его знаменитые корсунские и сигтунские двери, царское и патриаршее места. Затем выразил желание посмотреть оба хранилища цепностей — древнюю софийскую ризницу и собрание предметов музейного значения, сохранившихся в результате изъятия ценностей из монастырей и церквей. То и другое находилось на верхнем этаже собора, в галереях на хорах. Подниматься к ним надо было довольно высоко по каменной лестнице, парадному княжескому входу на хоры, считающейся много витков. Преодолевая их и продолжая с инте-

ресом осматривать архитектуру, расположенные по лестнице «тайники», Анатолий Васильевич ни словом не обмолвился о том, насколько такой подъем, как я теперь соображаю, мог быть и, несомненно, был труден для него, немолодого человека, к тому же уже страдавшего в те годы болезнью сердца. С таким же интересом он осматривал знаменитые уники древней софийской ризницы X—XV вв.: реликварии, сионы, кратиры, панагийар, перегородчатые и выемчатые эмали, драгоценные панагии, шитье и облачения, серебро XVI, XVII, XVIII и XIX вв.

— Да у вас тут своя Оружейная палата, не уступающая нашей московской!

С тем же вниманием человека широких и подлинных культурных интересов А. В. Луначарский смотрел Музей древнего и нового искусства в бывшем губернаторском доме <...> Отдел древнего искусства, в нижнем этаже, был полностью развернут; отдел нового искусства, Картинная галерея, только еще готовился к открытию, но его фонды, сосредоточенные в верхнем этаже здания, были доступны для обозрения. Фонды эти, в основном собранные по губернии, еще не обладали достаточной полнотой и значимостью, во всяком случае в сравнении с собранием древнерусского искусства. Мы в течение нескольких лет настойчиво добивались их пополнения из Государственного музейного фонда.

— Да, их обязательно надо пополнять из общегосударственных запасов, — сказал нарком. — И в Ленинграде, и в Москве найдутся для этого возможности. Если понадобится, я смогу оказать содействие.

К содействию наркома обращаться не пришлось. Из Государственного музейного фонда в Ленинграде и из фондов Русского музея мы получили достаточное пополнение, позволившее вскоре открыть Картинную галерею.

К Нередице мы ездили под вечер на катере вместе с председателем Губисполкома Морозовым.

А. В. Луначарский, сняв шляпу, видимо, наслаждался и прохладой тихого, ясного вечера, и открывшимся взору пейзажем новгородских окрестностей и ильменского взморья. На расспросы его я называл видневшиеся памятники: Юрьев монастырь, Перишь, Городище, Нередица, Андрей на Ситке, Мало-Кириллов монастырь, Ковалево...

— Какой единственный вид! Город с его Кремлем и золотым шлемом Софии в центре и необозримая зеленая равнина вокруг с разбросанными на ней холмами, как бы оберегающими город монастырями.

Нередица, всемирно известный памятник XII в., недавно был подвергнут архитектурной реставрации, целью которой было освободить здание от цементной штукатурки, неудачно примененной при капитальном ремонте 1904 г. По заключениям многочисленных ученых комиссий, влагонепроницаемый цементный кожух, в который было тогда одето здание, стал причиной опасного развития сырости в нем и появления местами злокачественной

плесени, так называемой ямчуги, угрожавшей целости фресковой росписи. При новом ремонте Нередицкая церковь вместо снятого с ее стен толстого цементного, ровно заглаженного покрова была покрыта лишь тонким слоем известковой обмазки, возвратившим зданию жизненную способность «дышать» и живую, благородную фактуру стен. А. В. Луначарский с интересом расспрашивал о технических подробностях новой реставрации и затем подробно смотрел знаменитую роспись.

Мы условились с ним и с тов. Морозовым продолжать загородные экскурсии на другой день, когда они освободятся от дел.

Я ожидал звонка — вызова в Губисполком, когда ко мне на второй этаж поднялся музейный служитель и, к моему смущению, сообщил:

— Там внизу, в вестибюле, вас ожидает товарищ Луначарский.

Мои извинения Анатолий Васильевич любезно прервал:

— Нет, это я виноват, кончил дела раньше, чем предполагал. У вас тут я рад отдохнуть в прохладе. (День был жаркий). А, кроме того, мне хотелось бы еще раз взглянуть на ваши древние иконы.

Музей был в тот день закрыт. Когда залы открыли и мы пошли по ним, в одиночестве А. В. Луначарский снова подолгу останавливался и всматривался в лучшие произведения древней живописи.

Любуясь ими, он, между прочим, спросил:

— А деревянная скульптура у вас есть? Вот вроде той, что в Пермском музее.

Книгу о ней Серебренникова, как известно, А. В. Луначарский украсил своим предисловием.

— В Новгороде и губернии было много деревянных скульптурных произведений, притом гораздо более древних, чем в Перми. Большие склады их, изъятых из церковного употребления давно, видимо еще по указу Петра I, хранились на хорах Софийского собора. В 60-х гг. они были вывезены в Петербург, в музей Академии художеств. Теперь эти памятники находятся в Русском музее. В Новгороде есть несколько еще более древних скульптурных каменных крестов, один из которых вы видели в стене Софийского собора.

При дальнейших загородных экскурсиях по памятникам архитектуры и живописи мне особенно хотелось показать высокому новгородскому гостю Волотово. Сам неравнодушный к этой замечательной стенописи XIV в., я любил «угощать» ею приезжих и, признаться, бывал огорчен, когда видел равнодушие, прикрытое пустым восхищением.

Анатолий Васильевич Луначарский оценил волотовскую живопись в полную меру. Он долго не уходил из маленькой, пронизанной солнечными лучами из узких окон церкви, на стенах которой раскрепощаемый человеческий дух и молодое европейское искусство XIV в. увековечили свое торжество. Выйдя уже на

улицу, под сень окружающих церковь деревьев, он снова возвратился внутрь — к архангелу в притворе:

— Давайте зайдем еще раз, полюбуемся на архангела со сферой...

Потом подал руку, благодаря за доставленное наслаждение.

Увы, просуществовавший на новгородских равнинах полтысячи лет вологовский памятник разрушен до основания во время фашистской оккупации города в 1941—1943 гг. и уже больше не радует собою зрителей.

В тот же приезд А. В. Луначарский выступал в Новгороде в диспуте с обновленческим протоиереем Александром Введенским <...>

Диспут популярного наркома с обновленческим «протопресвитером» вызвал огромный интерес в городе. Помещение театра имени Октябрьской революции в Кремле (ТОРа, как его тогда принято было называть) не вмещало всех желающих послушать.

Краснобай и позер Введенский вряд ли мог убеждать даже верующих. Он, видимо, больше всего был занят своей персоной — «артистической» прической, маленьким кокетливым золотым крестиком на черной рясе, важно цитировал какие-то письма своих заграничных корреспондентов, в которых те называли его «монсеньором», о чем оратору и хотелось довести до сведения слушателей. Доводы его против оппонента-атеиста были рассчитаны не столько на серьезную доказательность, сколько на плоское гаерство. Так, говоря о разнице своего, христианского, учения о создании человека по образу и подобию божию и материалистической теории о происхождении его от обезьяны, Введенский замечал к потехе некоторой части публики: Ну, что ж? Каждому лучше знать своих родственников.

Не опускаясь до такого рода острот, Луначарский лишь шуточно коснулся и вышеприведенной: Ну, что ж? У нас, при нашем представлении об эволюции человека, остается гордое сознание того, что вся история развития человечества есть история постепенного восхождения его от низшего к высшему; у вас, при вашем, — это история постепенной деградации, которая неизвестно чем должна окончиться.

НОВГОРОДСКАЯ СЕКЦИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

В последние годы перед второй мировой войной я работал в Новгородской секции Института истории Академии наук СССР. Инициатором этого нового для Новгорода научного учреждения был академик Борис Дмитриевич Греков.

Профессор Ленинградского университета, бывший в это время уже действительным членом Академии наук и директором ее Института истории, Б. Д. Греков был связан с Новгородом старыми научными интересами еще со времени студенческих занятий в университете и после того работы над магистерской дис-

сертацией «Новгородский дом святой Софии», исследования крупного церковно-феодалного хозяйства русского средневековья. Не повородец по происхождению, он неоднократно бывал в Новгороде и в годы работы над названной книгой, и после революции, когда приезжал читать лекции по приглашению Губмузея. Здесь одно время жили и работали <...> его ученики по университету Н. А. Куреньгин и Г. Е. Кочин.

По идее Б. Д. Грекова, в Новгороде непременно должна была существовать, лучше всего на положении секции Института истории Академии наук, небольшая ячейка, состоящая из нескольких (4—5) научных работников, желательны разных уклонов и специальностей: собственно историков, археологов, искусствоведов, которая, работая сама, в то же время могла бы служить местной базой и для занимающихся Новгородом ученых из Москвы, Ленинграда и иных городов. Здесь, на месте, могли бы проводиться посвященные Новгороду научные съезды и конференции. Секция могла бы оказывать организационное содействие проводимым в Новгороде раскопкам и сама проводить их, со временем организовать издание неизданных письменных источников по новгородской истории и исследовательских работ.

Новое учреждение естественнее всего могло обосноваться все же при музее, обладающем и помещениями, и необходимым инвентарем, и хозяйственно-техническим аппаратом. В состав секции вошли директор музея А. А. Строков, его заместитель по научной части В. А. Богусевич, преподаватель Учительского института В. А. Фигаровский и автор воспоминаний, первые трое с оставлением на своих должностях, последний — освобожденным старшим научным сотрудником секции, в должности ее ученого секретаря.

Для секции было предоставлено помещение, состоявшее из просторного рабочего кабинета и «конференц-зала», в нижнем этаже так называемого Ефимьевского корпуса, рядом с Грановитой палатой на Софийском дворе в Кремле. Когда-то это были покои викарного епископа, потом одно время в них помещался Губисполком, теперь они принадлежали музею. В этом же здании находились фототека и чертежная музея, что было очень удобно. Канцелярия и бухгалтерия музея, через которые секция производила свои операции, находились рядом, в Никитинском корпусе.

В секции проводил основную часть своего рабочего времени ученый секретарь. Строков и Богусевич заходили сюда часто, по нескольку раз на день, Фигаровский, работавший в Учительском институте в Антонове, вне города, и живший там же, бывал реже. Забегая вперед, скажу, что война рассеяла этот состав. Никому из сотрудников секции не пришлось возвратиться в Новгород после войны: Строков остался в Военно-политической академии им. В. И. Ленина, куда он был откомандирован с фронта, Богусевич оказался в Киеве, в Институте археологии Украинской Академии наук, я — в Ленинграде, Фигаровский — в Пензе. Существование секции закончилось с эвакуацией города.

Из всех сторон, намеченных программой деятельности секции за короткое время ее существования, преимущественное развитие получила работа ее сотрудников по индивидуальным научным планам, производство археологических раскопок, организация и проведение научных конференций, издание сборников научных трудов.

У некоторых сотрудников секции уже имелись печатные работы, ученой степени ни один из них не имел. Хлопотная, но неблагодарная музейная работа не создавала благоприятных для того условий. Задача оформления научной квалификации была поставлена в качестве первоочередной перед всеми четырьмя работниками секции и, надо сказать, всеми выполнена. Темами кандидатских работ трех из них, как тому и надлежало быть, были история и культура древнего Новгорода, четвертого (Богусевича) — история Пскова.

Издательская деятельность секции была унаследована ею от музея. В 20-х и начале 30-х гг. издававшиеся музеем сборники трудов имели широкий краеведческий характер и носили название «Материалы и исследования». Позднее программа их была сужена и они стали называться «Новгородские исторические сборники». С созданием секции Института истории их подготовка и издание отошли к ней, название сборников было оставлено прежним. С 1938 г. успели выйти под грифом секции четыре сборника — 5-й, 6-й, 7-й и 8-й. Полностью подготовленный, сданный в производство и уже набранный 9-й выпуск попал под оккупацию Новгорода и не вышел, материалы его погибли.

В сборниках трудов А. А. Строковым были напечатаны «Отчет о раскопках в Новгородском кремле в 1938 г.», «Сообщение об археологических разведках в с. Ракоме», «Раскопки древнего русского водопровода», «Дохристианский могильник (по данным археологических раскопок па Ярославовом дворе)», «Раскопки на Ярославовом дворе в 1940 г.»; В. А. Богусевичем — «Магдебургские ворота XII в.», «Псковские купцы XVII в. Русиновы»; В. А. Фигаровским — «Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в.»; автором воспоминаний — «Декоративная живопись Новгородской Грановитой палаты», «Памятник новгородской эпиграфии XVI в.», «Живопись Волотова», «Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати Великого Новгорода».

Работа над подготовкой сборников к печати — предварительное редактирование, все сношения с типографией, корректура набора — составляла основное дело ученого секретаря. Главным редактором сборников, чье имя значилось на титуле выпусков, выразил согласие быть сам Б. Д. Греков. По окончании подготовки очередной книжки Строков, Богусевич или я обычно везли ее в Ленинград, позднее в Москву ему на просмотр и утверждение.

В материале для сборников недостатка не было. Кроме работ сотрудников секции и других местных работников, в «портфеле

редакции», как это принято говорить, всегда имелся запас статей ленинградских и московских авторов, занимавшихся вопросами новгородской истории и культуры. Так, например, в сборниках были напечатаны статьи проф. М. Н. Тихомирова «Рукописи Новгородского музея», проф. А. В. Арциховского «Новгородские ремесла», проф. М. И. Артамонова «Мастера Нередицы», и другие.

Гораздо более трудным, чем составление, было само печатание сборников. При всей благожелательности и расположенности к секции молодого директора Новгородской губернской типографии Б. В. Куприянова из-за маломощности типографии, нехватки шрифтов, вечной загруженности срочными работами подчас с большим трудом удавалось добиваться продвижения очередного заказа. Бывало, что дело доходило до разборки уже сделанного набора. Трудно было с иллюстрациями, в лучшем случае они были возможны лишь газетного типа, крупнорастровые, и часто от них приходилось вовсе отказываться, особенно к огорчению авторов, писавших об искусстве. Так было со статьями о живописи Нередицы, Волотова.

Самым трудным было доставание бумаги для печатания изданий. Иногда одного сорта бумаги хватало лишь на часть книги, тогда приходилось откладывать печатание тиража или допечатывать его на другой, какую доставал Б. В. Куприянов. Уже во время финской кампании, в 1940 г., удалось достать большой рулон трофейного мелованного белого картона, и очередной, 8-й сборник вышел в нарядной белой обложке, с новой издательской маркой, сделанной художником Спесивцевым. Этому сборнику суждено было стать последним <...>

Я остановился на издательской деятельности секции потому, что при всех трудностях и превратностях она была жизненным вопросом для секции. Доход от реализации изданий являлся главным источником ее средств. Реализация, надо сказать, шла неплохо. Тираж каждого издания, за рассылкой обменных экземпляров, передавался местному книжному магазину и размещался вне города и области. Кроме Ленинградского книготорга, который брал значительную часть тиража, заказы поступали из разных городов и областей. Почему-то больше всех других, примерно раз в десять, неизменно заказывала Уфа, что нас немало удивляло.

Раскопчную деятельность секция осуществляла совместно с музеем. У исторического отдела последнего не было достаточно своих сил. Кроме раскопок небольшого масштаба на Ярославовом дворе, был произведен также небольшой раскоп в северной части Кремля, у крепостной стены. Главные раскопчные работы были развернуты секцией в южной половине кремля. Важнейшим результатом их было открытие, кроме нескольких жилых и торговых построек и косторезной мастерской, знаменитого храма Бориса и Глеба, построенного в 1167 г. героем новгородских былин Сотко Сытиничем.

Продолжение раскопок сулило не менее интересные и важные находки, но в июне 1941 г. раскопки, так сказать, на полуслове были прерваны начавшейся войной.

Праздничными моментами в жизни секции были научные конференции, проводившиеся с участием Ленинградского и Московского отделений Института истории в 1939 и в 1940 гг. Они были открытыми, и на них — послушать приезжих докладчиков — приходило много народа. Первая конференция по составу приезжих участников была преимущественно «ленинградской». Приехали и выступили с докладами С. Н. Валк, В. Г. Гейман, А. И. Васильев. Руководил конференцией сам акад. Б. Д. Греков. На второй было больше москвичей — акад. М. Н. Тихомиров, проф. В. И. Шунков и другие.

Участники этой второй конференции, состоявшейся в конце 1940 г., не предполагали, что она стала последней. С началом Великой Отечественной войны и эвакуацией Новгорода секция Института истории Академии наук в нем прекратила существование <...>